Игорь Автамонов

РОГНЕДА

ПОЭМА

2-ое ИЗДАНИЕ

ЛОС АНЖЕЛЕС - НЬЮ-ЙОРК.

1988

И.А. Автамонов

РОГНЕДА

ПОЭМА

2-ое ИЗДАНИЕ
ЛОС АНЖЕЛЕС - НЬЮ-ЙОРК.
1988

Это 2-ое издание печатается
с благословения Его Высокопреосвященства
МИТРОПОЛИТА ВИТАЛИЯ
ПЕРВОИЕРАРХА РУССКИЯ ЗАРУБЕЖНЫЯ ЦЕРКВИ

Обложка и рисунки исполнены художником
Константином Константиновичем Кузнецовым

Типография газеты «Русская Жизнь».

ПОСВЯЩЕНИЕ

Тому, кто Родине своей
Несчастий в смертный грех не ставит,
Кто с юных лет был предан Ей,
Кому Она других милей,
Тому, кто предков чтит и славит,
Для тех поэмы вольный стих,
Для тех о старине беседа,
Для них написана «Рогнеда»,
И сны о прошлых днях — для них.

ОТ АВТОРА

В основу поэмы «Рогнеда» легли события, происходившие тысячу лет назад на территории России. Действие поэмы вполне согласовано с официальной историей, а главные герои являются личностями историческими.

В течение изложения автор иногда приближается в своем повествовании к летописному тексту и старается его передать возможно точнее. В отдельных сносках даны об'яснения слов и имен, которые могут быть незнакомы читателю. Перед отдельными частями поэмы даются краткие исторические пояснения изложенных событий.

В тексте поэмы автор старается употреблять те слова русского языка, которые исходят из славянского корня, или слова, которые, как можно предположить, вошли в русский язык в глубокой древности, избегая слов явно иностранного происхождения или слов новообразованных, желая этим придать языку поэмы оттенок древности.

Автор приносит самую искреннюю благодарность полковнику генерального штаба Б. Н. Сергеевскому, бывшему директору русской мужской гимназии в Белграде, большому знатоку русской истории древних времен, за множество исторических сведений, сообщенных им, за проверку всех частей поэмы с точки зрения правильности изложения исторических событий или уместности отдельных подробностей и за ободряющие советы, помогавшие создавать отдельные образы; а также художнику К. К. Кузнецову, с такой любовью к русской старине украсившему обложку и текст поэмы иллюстрациями, наполненными ценными подробностями русского обихода древних времен.

Автор.

ПРОЛОГ

(В ДНИ ВОЙНЫ)

Хрипят ураганы над грешной землей,
Швыряют из бездны, на пробу,
То ярость пустыни — пылающий зной,
То тундры холодную злобу.

То вдруг осушают озера до дна,
Пожаром проходят лесами,
Потом подкрадется пурги пелена,
Схоронит ручьи под снегами.

И ветер ревет, как озлобленный зверь,
Деревья к земле пригибает;
В лесах вековечных—без счета потерь...
Грехи, знать, Господь не прощает!

В ту пору в лесу, где лежал бурелом,
Где сеяла страх непогода,
Два друга беседу вели о былом,
О прошлом родного народа.

Один — многолетний коряжистый дуб;
За долгую жизнь среди леса
Он впитывал мудрость из солнечных губ,
Шептался с ним ветер-повеса.

Земля средь вечерней лесной тишины
Шуршала преданья и были...
С ним тучи бранились, грозя с вышины;
Ручьи ему тайны открыли...

Другой, что безмолвно рассказу внимал,—
Наивный, восторженный ясень...
Дотоле он бурь и пурги не видал,
И мир был дотоле прекрасен...

Он слушал с тревогой проклятья грозы,
Сгибался от сильных ударов,
Но древнюю правду, как свежесть росы,
Вдыхал, чтоб не видеть пожаров.

И оба, забыв, что шумит ураган,
Не слышали хохота ада...
К ним древний напев долетал сквозь туман:
«Ой ладо, ой ладушки ладо!»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПОСЛЕ ОХОТЫ

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА К ПЕРВОЙ ЧАСТИ

Великий князь киевский Владимир, впоследствии причисленный к лику святых, был сыном князя Святослава Игоревича и внуком княгини Ольги и князя Игоря Рюриковича. Согласно официальной истории, отец, дед и прадед кн. Владимира были по происхождению варяги — норманы. Мать же его Малуша была славянкой, дочерью Малка, жителя города Любеча. Малуша была «ключницей», т. е. заведующей хозяйством при дворе княгини Ольги.

Кн. Святослав еще при жизни посадил старшего сына Ярополка, тогда еще малолетнего, в Киеве, второго сына, Олега, в земле Древлянской, а третьего сына, Владимира, по просьбе новгородцев, отпустил князем в Новгород. Владимиру в это время было около 7 лет, и к нему был приставлен его дядя, брат матери, славянин, вероятно — Святославов воевода, Добрыня Малкович.

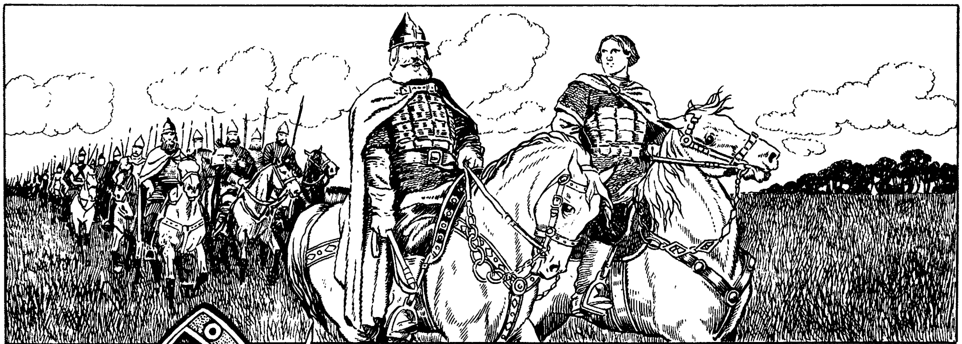
После гибели кн. Святослава шестнадцатилетний Ярополк (при нем были опекуны Свенельд и Блуд, можно думать, тоже варяги) двинулся в 963 году походом на своего брата Олега, и в сражении у города Овруча Олег погиб. Тогда Ярополк двинулся на Новгород. Добрыня увез двенадцатилетнего Владимира «за море» (в теперешнюю Швецию), по всей вероятности, к родственникам Святослава и оставался там с ним три года. «Через три года Владимир возвратился с варягами в Новгород», — пишет историк С. М. Соловьев, и прогнал оттуда Ярополковых ставленников.

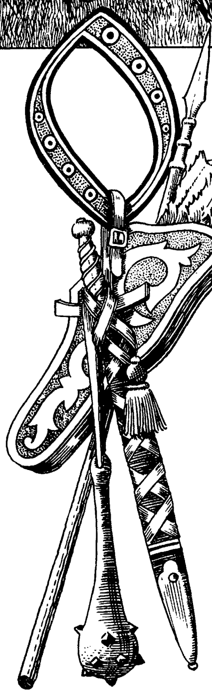
Предвидя борьбу с Киевом и, как можно предположить, руководствуясь планом посадить в Киеве князем своего племянника Владимира, Добрыня искал союза и дружбы с князем Рогвольдом, норманом по происхождению, сидевшим в Полоцке на Двине. Туда он отправил послов просить руки Рогнеды, дочери Рогвольда, для Владимира. Вероятно, в это же время Ярополк киевский тоже просил руки Рогнеды.

Господствующей религией в то время было язычество. Только при княгине Ольге христианство начало появляться в Киеве. Можно думать, что мать Владимира Малуша, как приближенная кн. Ольги, тоже была христианкой, тем более, что в это время в Киеве уже был небольшой христианский храм. Ярополк же и Владимир, как и отец их Святослав и как Добрыня и его сын, были язычниками.

Рогнеда жила в то время, когда на Руси происходило столкновение четырех начал: язычества и христианства, норманства и славянства...

1. В ПУТИ

ОЙ ЛАДО, ой ладушко ладо,
Ой лес, володыка земли,
Не спрятал на нас ты засаду,
Ой, Леший, поклон наш прими!

Ой ладо, ой батюшко поле,
Злаченый, размашистый лик,
Храни от врагов, от неволи,
Поклон шлем тебе, Полевик!

Ой ветер, бездомный калика,
Дружин богатырских пестун,
Храни от громовьего лика,
Тебе шлем поклоны, Перун!

Ой, солнышко, ясное око,
Ой, небо, бескрайняя ширь,
Ой, тучка, что ходишь высоко,
Поклон шлет тебе богатырь!»

Поет светлорусый дружинник,
Поводья сжимая рукой.
Обходит колючий малинник
Опушкою конь вороной.

Дружинника песня, как птица,
То в девственный лес залетит, —
И лес, пробудясь, оживится,
Ветвями в ответ шевелит...

То сочным проносится лугом,
Тревожа дремавшую дичь, —
И зайцы об'яты испугом,
И ястребов слышится клич.

Дружинники слева и справа
Певцу подпевают порой,
С'езжаясь, коль тесна дубрава,
В лугах разлетаясь, как рой.

Следят за напева узором
И смотрят сыновно на лес,
На поле — ласкающим взором,
Покорно — на краски небес.

«Ой Мать ты, Земля ты сырая,
Прими богатырский поклон!
Люба у ночного ты края,
Красна у полденных сторон...»

Беспечно напев повторяя,
Равняясь порою с певцом,
Подросток, оружьем играя,
Гордится степным жеребцом.

То треплет он золото гривы,
То шеи погладит волну,
То сходит на нем под обрывы,
То едет по речке, по дну.

Подымет пугливого зверя
И по полю гонит грозой,
То, силушку весело меря,
Сбивает кору булавой.

То птицу стрелою певучей
Старается в небе достать,
То снова по шее могучей
Коня начинает ласкать.

Узорчатый повод сжимает,
В седле отдыхая, старик.
За далью порой наблюдает;
Не весел задумчивый лик.

Костистые плечи широки,
Доспехи привычно сидят,
Следы меж бровями глубоки,
Знать, думы чело бороздят.

Следит он за песней баяна,
За юношей зорко следит,
Кивает при виде кургана
И что-то в усы говорит.

Задумчив не в меру он ныне,
Торопит дружину порой.
Дружина внимает Добрыне —
Хитер он, как волк матерой.

Под'ехал, гарцуя с задором,
Подросток, влюбленный в коня;
Добрыня промолвил с укором:
«Владимир, послушай меня!

Владимир, четыре кургана
Ты встретил сегодня в пути.
Покрыл их ковер из бурьяна,
И в сказах следа не найти.

Четыре славянских могилы
Стояли в кудрявых кустах...
Ушедшей свидетели силы —
Теперь лишь курганы в лугах...

Владимир, хваление Чуру,
Не мал ты — пятнадцать уж лет!
Силен, не уступишь и туру,
И видел немало ты бед.

Хочу, чтобы ведал сказанья
И были славянских племен:
О предках, о славе преданья, —
Ты сам от славянки рожден!

Я мню, недалече то время —
Насыпешь курган надо мной...
Возглавишь тогда наше племя,
Воскняжишь над нашей землей!»

Невесел был голос Добрыни,
Но вдруг задышал он бодрей:
То запах донесся полыни
С обласканных солнцем полей.

«Охота прошла, как потеха.
На всех ли в дружине смотрел?
Кто быстр и хитер, кто помеха,
Кто ловко стрелою владел?

В поход мы отправимся вскоре
Рубить Ярополкову рать!
Убийце отмщенье и горе! *)
Тебе же — и Днепр, и Ловать!

С тревогой я в Новгород еду —
От сына не слышно вестей:
За тя отдадут ли Рогнеду —
Иль ждут Ярополка гостей?

Нам нужен Рогвольд, как опора,
И Полоцк пусть с нами идет!
Взревет Ярополкова свора!
Свенельды и Блуды — под лед! *)

Владимир, смотри, покраснели
У туч, что над далью, низы,
Темнеют березы и ели.
Не ждать ли на завтра грозы?

В бору, у ключа, у Бурляна,
Стреножим мы нынче коней.
Там глушь, под обрывом поляна,
Никто не увидит огней.

Послушаем сказы и были
О славе, о прошлых делах,
Как за море с Ольгом ходили,
Как жили без биры в лесах **).

*) После смерти отца, Ярополк пошел походом на Олега и тот погиб у города Овруча. При Ярополке были советники и опекуны Свенельд и Блуд.

**) Бира — дань или подать. Сборщики назывались «бяручи».

Про Обров, про князя Мезмира *),
Про Готов коварный набег,
Как пали для вражьего пира
И Бусс, и не счесть человек...

Послушаем песнь Кунохвата
О былях славянских времен...
Споет Свенговард, ради злата,
Преданья варяжских сторон...»

Добрыня замолк, да и лес-то
Сходился тесней и темней.
Но вот и желанное место —
Обрыв и заросший ручей.

2. «РАССКАЗ ВАРЯГА»

Играют огни над кострами.
Тревожна в лесу тишина.
Поводит густыми бровями,
Прислушавшись к речи, сосна.

Старик Свенговард длиннорукий —
Седая в рубцах голова —
Рассказывал. Мерные звуки,
Заученной песни слова:

«Прадед век провел на море.
Он у моря и рожден.
Рос с ветрами вечно в споре,
В бурях грозных закален.

Лет двенадцати, впервые,
Был подростком взят в поход.
Весла, парус, битвы злые —
Так протек почти-что год.

Подходил конец походу.
Прадед плыл в ладье вождя.
Плыли в темень, в непогоду,
Сквозь туманы, средь дождя.

---

*) Краткие пояснения этих имен даны на странице 30 в исторической справке ко второй части.

По рекам текла дорога...
Торопился вождь, ворча.
На ладьях товару много:
Злато, шелк, ковры, парча...

Вождь сердился: «Нет дороги!
Лед несет уже вода!
Дремлет Тью, а злобный Логи *)
Посылает холода!»

Фрея дома поджидала,
Один же не так хотел:
В ледяные покрывала
За ночь реки все одел!

Лед от края и до края
Впился в каждую ладью.
Вождь сказал: «Я здешних знаю,
Время звать на помощь Тью!»

Не ошибся вождь, и скоро
Над макушками лесов
Разбежались в ширь простора
Вехи-вести: дым костров.

День прошел, второй и третий,
Лед окреп, мороз вокруг.
Жгут костры лесные дети.
Больше, ближе, — враг иль друг?

Новый день, и вот из бора,
На блестящий снег полян
Вышли темной тучей Тора
Толпы плотные славян.

Люди крепки, шапки пестры,
Топоры, щиты, мечи,
Копья длинны, стрелы остры, —
Смерть! Пощады не ищи!..

---

*) Тью, Логи Фрея и Óдин — имена мифических скандинавских богов, из них Óдин — бог, создавший мир, Фрея — богиня домашнего очага, Тью — бог войны, а Логи — олицетворение коварства и злобы.

На ладьях — мечи да стрелы,
Кораблей десятка три...
Крикнул вождь: «Варяги смелы!
Где стоишь — там и умри!»

Замерли славяне грозно
По обрывам над рекой,
А один, в богатом корзно,
Разговор завел такой:

«Кто вы, люди, и откуда?
Кто ведет вас и куда?
Мы не сделаем вам худа,
Вижу — вы не ждали льда.

С чем приплыли в нашу землю?
Гости ль вы, иль ворог злой?
Отвечайте, вам я внемлю!»
Вождь ответ им дал такой:

«Мы коней везем из Смирны,
Византийские шелка,
Мы товар меняем мирно, —
Мы плывем издалека...

Мы с тебя не просим дани,
Смерзли мы — снега, метель...
Мы везем из Рима ткани,
Из Ливана канитель.

Есть с Дунай-реки полотна,
Есть из Киев-града лен...
Одарим тебя охотно...
Рать с тобой каких племен?..

Есть вина хмельного много,
Серебро, ножи, плоды...
На Рослаг у нас дорога,
Нам добраться б до воды.

Есть ковры, литые чаши,
Соль, кольчуги и янтарь...
Чем богаты земли ваши?
Ты кто будешь, господарь?

Славянин поправил корзно,
Бороду собрал в кулак
И сказал: «Идешь ты поздно,
Нет пути тебе в Рослаг!

Солнце низко, лед на реках,
Ночь куда длиннее дня.
Видно, долго плавал в греках?..
Гостомысл зовут меня.

Мы словени Ново-града,
Хочешь — сладим перевоз?
А за помощь — нам награда:
Всех товаров — третий воз.»

Вспыхнул вождь: «Не много ль хочет?!
Не мала медвежья пасть!
Иль варяг мечи не точит?!
Дам тебе — седьмую часть!»

«Третью дашь! Судьбу товара
Не решат твои мечи.
Не зальешь на льду пожара!
С нами вместе — кривичи!

Вас на зиму здесь не брошу,
Вижу вас я не впервой!
Вы пойдете, сквозь порошу,
Разорять наш край лесной!»

Видит вождь — тверды славяне,
На зиму приют — не срам,
Новгородцев знал он ране
И сказал им: «По рукам!»

Долго ль — не́долго ли было,
Не скучается в мороз!
Вот весна, а вот Ярило!
Смоль ладьи, раскрась-ка нос!

В парусах зашивши дыры,
Ярко расписав бока,
Можно б в путь... Да нет, для пира
Задержалися пока!

Видно долго плавал в греках?..
Гостомысл зовут меня.

Гостомысловна — что пава,
Ладна, с темною косой, —
Шла о ней далеко слава:
Нет красавицы такой!

Очи — волны южна моря!
Брови — нежный мех бобра!
Улыбнется — нет и горя!
Весела, стройна, добра...

В бурях, в битвах закаленный
Вождь варягов: меч да млат —
Увидал цветок холеный
Гостомысловых палат...

Лаской глаз неодолимой
Скован вождь, лихой в бою, —
И взошла она «водимой» *)
На варяжскую ладью!..

Пир по Новгороду — диво!
Пляски, хмель, кулачный бой,
Бочки с медом, брага, пиво...
Не видать вам пир такой!

Пир шумел, а вдаль к Рослагу
Взмыла стая лебедей...
Любо в море плыть варягу
К берегам земли своей...

Год прошел... И вновь из дали
Приближались, словно тын,
Сотни мачт, а на причале —
Гостомысловна и сын!

Рок варяга часто горек.
Сын — как солнце из-за туч!
Дали сыну имя Рорик:
Значит — будь богат, могуч!

---

*) «Водимая» жена означало — законная жена.

Годы шли. С войной и с делом
Плавал прадед по водам...
Рорик рос варягом смелым,
Дедам в честь, на страх врагам...

Отпусти меня, Добрыня,
Я устал, хочу испить...
То, что я поведал ныне,
Завтра же смогу продлить.

Расскажу про землю Фрисланд —
Жили Рорик там с отцом *);
Как мой дед от них был прислан
В тот же Новгород купцом...

Расскажу про берег низкий
Островов у Рейн-реки.
Гнал там Рорик — герцог Фризский —
В битвах франкские полки...

Как пришли лихие годы,
Как с дружиной и семьей,
Всею Русью став на воды,
Вышел Рорик в путь морской...»

Замолк. Как забытая сага,
Как скошенных трав аромат,
Вдыхалась легенда варяга...
Но вот затянул Кунохват.

3. «БЫЛИНА»

Поведу я рассказ не про наши дни,
Не про наши лета беспокойные,
Не про княжьих усобиц дымы-огни,
Не про наши дружины да стройные...

А скажу я про времечко да светлое,
Что до наших дней славой славится...

*) См. страницу 30.

Не про князь-Святослава скажу дела,
Не про славную Ольгу княгинюшку,
Что мудрее мужей на земле-то была,
С городов да с племен брала данюшку...
Не про жизнь непокорных скажу древлян,
Не как к Игорю горька пришла заря,
Не про славна Олега — красу полян,
Что за море ходил — победил царя.
Победил, да за морем свой щит прибил,
Победил-то умом да со хитростью, —
Как, подняв паруса, по земле ходил,
Победив-то, забрал серебра ладью...

А скажу я про дни да старо-старые,
Что до наших времен славой славятся...

Не про то, как на град-Цареград пошли,
А ходила-то Русь с киевлянами,
Как бежал супостат, христиан пожгли,
Как укрылись-то греки за стенами...
Не как рад был Аскольд, не как хвастался Дир,
Что царя Михаила в полон возьмут.
Патриарх Цареградский и греков клир
Всю-то молятся ночь — в помощь Бога ждут...
Как святой-то покров, что у греков был,
Патриарх, помолясь, погрузил в Босфор,
Да как море вскипело, да ветер взвыл, —
Кораблям-то Руси как пришел позор...

А скажу я про времячко да древнее,
Что до наших-то лет славой славится...

«Постой, Кунохват!—вдруг Владимир вскричал,—
Я слышал рассказ этот где-то.
Скажи-ка, что знаешь и что ты слыхал,
Как чудо свершилося это?»

«Владимир, не дело певца прерывать, —
Вступился Добрыня сурово. —
Что греки наврали, охота ти знать?
Иль Бога ты ищешь другого?»

А скажу я про дни да старо-старые,
Что до наших-то лет славой славятся...

«Перуна, Даждь-бога и Велеса чту! —
Племянник ответил покорно, —
Но бабка вложила мне в душу мечту —
Ко правде стремиться упорно!

Во Киеве с бабкой ходил я во храм,
И мать там усердно молилась,
И лепо там пели, и плыл фимиам,
И плакала мать... И крестилась...»

«Пустое, Владимир! То бабьи дела!
Славянам — славянские боги:
И мстить повелели, и жен — не одна!
Продолжь, Кунохват, без тревоги!»

«Расскажу я про времячко да светлое,
Что до наших дней славой славится...

Не как прибыл ко деду — ко Новграду,
Да со Руссию Рюрик со братией,
Не как стал он князьям головой в роду,
Не как княжил-то Рюрик над Славней...
Не про то, как Бравалин в леса пришел *),
Проходил по рекам, да пугал народ,
Не как князь Мезимир — да Дулебов вел,
Не как сгинул-погиб да Обров род...
Не как Вятичи бились за брег родной,
Да на Киев наехал степной-то край,
Не как Киев вставал над Днепром-рекой,
Не как предки пришли со реки Дунай...

А скажу я про время да про красное,
Что до наших дней славой славится...

Я про светлое время рассказ веду...
И про то расскажу, да как тьма пришла,
Да как Готы пришли, принесли беду,
Да как Бусса-то смерть на крылах несла *)...

---

*) См. страницу 30.

И не сам-то погиб, а с ним семьдесят —
После боя распяты да злым врагом!
Да и ныне-то враны про пир твердят,
В оболонье слетаясь под Плесенском...
А до той-то поры жизнь была красна,
Да купалось в садах солнце ясное,
Как поля, да леса навестит весна...
Да как песня лилась...»

«Постой, Кунохват! Слышу — рог зазвучал! —
Добрыня промолвил тревожно. —
Костры потушить!» — И, поправив кинжал,
Он в тьму зашагал осторожно...

4. «ТИШИНА ВО ТЬМЕ»

Лесная, ночная, тревожная тишь...
Ручей беспрестанно воркует,
Русалки качают болотный камыш,
И Леший средь дебрей балует.

То сук оборвет и по веткам стучит,
То крикнет какое-то слово,
То вдруг в темноте светляков запалит,
То разом задует их снова.

То ветром по самым макушкам бежит,
То шишки роняет со звоном,
То зверя вспугнет, то свистит, то визжит,
То тенью пугает, то стоном...

Дозорных Добрыня на звуки послал,
И ратники скрылися в чаще,
А филин с опушки на рог отвечал —
Тревожнее, ближе и чаще.

Вот топот коней, голоса, разговор,
Лучина во тьме темно-синей,
Вот вырвался первый к ручью на простор
И спрыгнул с седла пред Добрыней:

«Отец, ты велел, не жалея коней,
Принесть ти Рогвольдово слово...
Спешил я, а дух мой все злее и злей,
И сердце для мщенья готово!

Отец, мы отдали Рогвольду дары,
Владимира волю сказали,
Сидел он, глаза опустив на ковры,
Покуда Рогнеду позвали.

Рогнеда пришла с заплетенной косой,
Воссела Рогвольду ошую
И молвит: «Хочу к Ярополку женой,
Рабынича я не разую!» *)...

Ты слышишь, отец, этот дерзкий ответ!
Рогвольд-то кичится пред нами!
Владимира мать, да и Малк-то, наш дед —
Для Полоцка стали рабами?!»

Туман подползал от далеких осин...
Никто в темноте не увидел,
Как бледен, как страшен порой славянин,
Когда его кто-то обидел!..

Добрынины пальцы сжимали кинжал,
Вокруг тишина наступила.
И долго, и жутко Добрыня молчал,
И чаща без звуков застыла...

---

*) Эти слова почти дословно взяты из летописи. По обычаю, после венчального обряда — «вожения» — жене полагалось разуть своего мужа. «Рабынич» в данном случае, вероятно, должно звучать, как надменная обида, брошенная свысока, так как мать Владимира, Малуша. была славянкой и не «воженой» женой Святослава Игоревича.

«На Полоцк! Немедля!»—воскликнул он вдруг...
И ветер пронесся по бору,
И птицы взметнулись, и всюду испуг,
И зверь позапрятался в нору...

Пустынна поляна, не стало огней,
Не слышно ни песни, ни шутки...
Доносится издали топот коней,
А тени ночные так жутки...

О темная ночь! О ночная гроза!
О месть и жестокость во взоре, —
И скрежет мечей, и бессилья слеза...
Ой горе, ой горюшко горе...

К ВЛАСТИ

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА КО ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Вторая часть поэмы развивается на канве тех событий, которые предшествовали приходу к власти князя Владимира Святославича и которые отмечены нашей отечественной историей.

Взятие Полоцка и гибель Рогвольда относятся к 978 году. Падение Родни и смерть Ярополка произошли в 980 году.

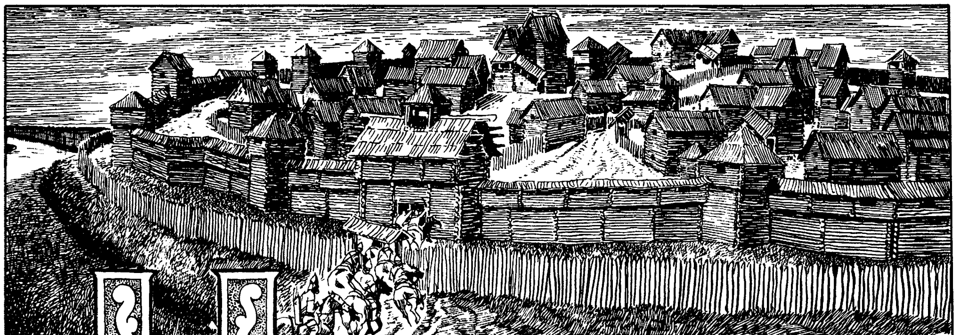
Первая встреча кн. Владимира с его будущей старшей женой Рогнедой изложена в соответствии с летописным рассказом.

Имя Варяжко и его роль посла упоминаются в летописи.

Сказатель Кунохват, который пел былину в первой части поэмы, погибает при взятии Полоцка, но этим не остается незаконченной прерванная былина, и намек Кунохвата на память о далеких событиях и о прежней жизни славян находит как бы подтверждение в седьмой части поэмы, в песне гусляра. Упомянутые же в былине имена — Бравалин, Бус, Мезмир — тоже являются именами историческими. Бус относится к четвертому веку, Мезмир к шестому, Бравалин к девятому. Новейшие исторические исследования упоминают о том, что герцог Фризский Рорик, завоеватель Фризии, был изгнан оттуда около 860 года.

Согласно истории кн. Владимир, став киевским князем, отослал Добрыню посадником в Новгород.

1. «ПОЛОЦК»

НЕ СТОН и не крик, и не плакальщиц вой,
Не рокот разгульного смеха:
Над Полоцком небо гремело грозой —
Перуна лихая потеха!

С утра было ве́дро. Широкий простор,
Прозрачность глубокого неба,
А к вечеру туча подкралась, как вор,
Краюхою черного хлеба.

И выскакал ветер из дальнего рва,
Копытами пыль подымая.
Застукали крупные капли сперва,
И тучи ползли, громыхая.

Потом разошелся Перун и бичём
Хлестал огневым среди мрака.
Поля — что болото, залиты дождём,
А в небе упорная драка.

Но вот посерел на востоке простор,
Порвались усталые тучи.
А ветер шумит, и колышется бор,
Таинственных полон созвучий:

То конь захрапит, то удар о сучок,
Бряцанье кольчуги и топот.
То будто мелькнул за сосной огонёк,
То зов, то приглушенный шёпот...

«Ты знаешь и рвы, и валы, Кунохват,
От леса иди с кривичами.
Доколь не ударю три крата в набат,
Секирой рази и мечами!

Владимир, со мною! А ты, удалец,
Мой первенец, хитростным буди!
Ударь от реки и плени городец, —
С тобою варяги и чуди.

Со мною пойдет новгородская рать.
Ворвемся в ворота мы смело!
На княжеский терем скачи, не зевать!
И разом закончим мы дело!»

«Добрыня, возьми и меня-то с собой, —
Шептал Свенговард торопливо. —
Занесть бы мне меч над Рогвольда главой!
Три года я жду терпеливо»...

Над Полоцком ветер. Уплыла гроза,
Туман розоватый находит...
Привратник, от сна протирая глаза,
Под башней ворота разводит.

Стрела да под горло! И сразу за ней
Метнулися тени к воротам,
И посвист раздался, и топот коней,
И стоны, и оклики: «Кто там?»

Но поздно. Врывается ратный поток,
Как буря, как шум водопада.
Тревожные крики, взывающий рог
И женские вопли: «Пощада!»

Пожар у реки и у леса пожар,
У княжьего терема битва,
Мечи, топоры и удар за удар,
И ярость, и кровь, и молитва.

Ворвались и вяжут Рогвольда враги,
Сплетают в ременные сбруи.
Вошел Свенговард — из пронзенной ноги
Сочились кровавые струи.

Добрыня поспел, и Владимир за ним.
«Рогвольд, что не весел? Здорово!
Мы в Полоцке свадьбу устроить хотим,
И вижу я — все уж готово!»

Рогнеду ведут. Словно рыба в сетях,
Дрожит, вырывается, бьется.
Во взоре тревога и гордость и страх,
Безгласно трепещет и рвется.

Расширились очи и влаги полны, —
Надменностью скрытая мука!
Злаченые косы бегут со спины,
А губы зажаты — ни звука!

«Встречай! Не ждала? Мы рабы средь хором!
И сводим по-рабски мы ныне!
Владимир, Рогнеду бери! За ковром
Постель и тебе и рабыне!..

Рогвольд родовитый — рабыничу тесть!
Смеялся, послов отсылая!
Теперь не до смеха? Славянская месть —
Суровая, страшная, злая!

Рогнеду — Владимиру в жены возьмем,
А земли — к невесте придаты!
Тебе, Свенговард, мы Рогвольда даем —
Жену его, меч его, латы»...

Хромой Свенговард потянулся за нож.
Добрыня ушел. От пожаров
Над Полоцком дым — от соломы и кож
От гумен, от крыш, от амбаров...

Добрыня смотрел на огонь из палат.
«На Киев — отмстить Ярополку!
За то, что сегодня погиб Кунохват,
За кровь, что лилася без толку!

За то, что ты брата убил без стыда,
За то, что славян презираешь!
Постой, непутевый! Прийдет к ти беда!
Добрынину ласку узнаешь!»...

Владимир, Рогиеду бери! За ковром
Постель и тебе и рабыне!..

2. «ПОД РОДНЕЙ»

Безбрежное время течет, как река...
Деревья сменяют наряды...
Снега выпадают, и тают снега...
Гусей пролетают отряды...

А Родня в осаде. Не видно конца
Упорству и стычкам покуда.
Давно поджидает Добрыня гонца
Из Родни от хитрого Блуда.

Прискачет гонец, или ночью придет —
Никто в темноте не узнает.
«Дождемся! Сурового голода гнет
Бедою по Родне шагает!

Припомни, Владимир, под Киевом мы
В тисках Ярополка держали.
От Блуда посланец приполз сре́дь зимы,
И сразу ж мы Киев заняли!

Легко я поладил с лисою тогда,
Шепнул он птенцу, как угрозу,
Что злы киевляне, что близка беда, —
И ночью ушли по морозу!

Теперь же не то, и не те времена!
Там Киев могучий — тут Родня!
Там Деда-Днепра голубая волна,
Здесь Рось — не уйти им сегодня!

Теперь их возьму! Им теперь не утечь!
Послушай же, княже Владимир:
Задумал обоим главы я отсечь,
Чтоб род Ярополков бы вымер!

Чтоб княжить тебе одному на Руси!
И брат не грозил бы лукавый;
Покончить бы с ними вот здесь же на Рси,
Чтоб князь на Руси — одноглавый!»

«Добрыня, умолкни! Суровый, уймись!
Врагам ты пощады не знаешь.
Седой ты, Добрыня, седин устыдись!
На брата мой меч подымаешь?!»

Добрыня сердился: «Владимир, ужель
Умом ты подобен ребенку?!
Змею ли положишь с собою в постель?
Подпустишь ли волка к теленку?»

«Довольно, Добрыня! Ты мудрый старик,
А злобою дума об'ята.
Велишь осквернить ты мне княжеский лик!
Помыслить на старшего брата?!»

Владимир поднялся и сел на коня,
В груди разрасталася буря...
Добрыня остался сидеть у огня,
С досадою брови нахмуря...

Собака залаяла... Окрик вдали..
Добрыню покинули думы.
Он знает, он ждет, чтоб к нему привели
Из Родни гонца эти шумы...

3. «СОВЕТНИК БЛУД»

Во тьме невеселый идет разговор,
Настойчивый, тихий, лукавый:
«Из Родни б уйти на широкий простор,
В Угорские скрыться б дубравы!»

«Нельзя, Ярополк, без коней и без сил
Дружина — голодны и хворы.
С Добрыней Варяжко вчера говорил,
Вернулся, минуя дозоры...

Признай, Ярополк, за Владимиром власть, —
Добрыня надел обещает,
А вытечет время — сумеем напасть,
И брата Владимир узнает!

Пойди, поклонись, и уйдем от беды.
Советовать это мне тяжко, —
Но это ль не брод средь глубокой воды?!
Послушай, что скажет Варяжко.

Варяжко, поведай, что видывал там,
Добрыня что сказывал гордый?»
«Там сено и хлеб раздают по полкам,
Добрыня упрямый и твердый...»

«Там сыты, а в Родне давно уж беда, —
Гудит причитание Блуда: —
И князю удел, и дружине еда,
А помощи ждать-то откуда?!»

«Пойду поклонюсь, да и мир впереди...» —
Негромки слова Ярополка.
Но вздрогнул Варяжко: «Убьют! Не ходи!»
У Блуда же взгляд, как у в волка:

«Устал ты, Варяжко! Иди отдыхай,
Получишь от князя награду.
Владимиру первенство, княже, отдай,
И кончит он эту осаду.

Молю тебя, княже, Добрынину блажь
Исполни с покорностью ныне.
Прийди и скажи:—Я возьму, что мне дашь!—
А после — припомним Добрыне!»

4. «СМЕРТЬ ЯРОПОЛКА»

Свободно по полю гуляют ветра,
Берут с одуванчиков пени,
А двое варягов, за входом шатра,
В засаде, как темные тени.

Мечи обнажили и тихо стоят,
Лишь ветер свистит за полою.
Не дрогнет рука, и ни сердце, ни взгляд —
Удар предрешенный судьбою!

Повсюду ликует Владимира рать!
И поле шумит, и дубрава!
Стрибогу и Хорсу бы славу воздать,
И князю Владимиру слава!

Осаде конец! Ярополк побежден!
Он вместе с дружиной сдается!
Победа! Волнующий шелест знамен!
«Владимиру слава!» — несется...

Понуро под'ехал к шатру Ярополк.
Величье минувшее — где ты?
И гордости голос еще не умолк
И льстивые в прошлом обеты...

Пришел поклониться? Смирился с судьбой?
В шатре дожидаться мне брата?
Вздохнул и шагнул он, тряхнув головой...
Ждала за порогом расплата!

Послышался шорох, оборванный стон,
Падение мертвого тела...
А ветер оружья донес перезвон
И славу Владимира дела...

Владимир взволнован. Владимир озлен:
«Добрыня, подобен ты Блуду!
Добрыня! Тобою мой брат умерщвлен!
Коварство твое не забуду!»

5. «В КИЕВЕ»

Касается солнце просторов Днепра,
Искрится волна золотая...
Огня на воде озорная игра,
Парча без конца и без края...

Как в зеркале, Киев на глади Днепра
С пригорков глядит горделиво,
И кажется — слиток большой серебра
Средь зелени брошен, как диво...

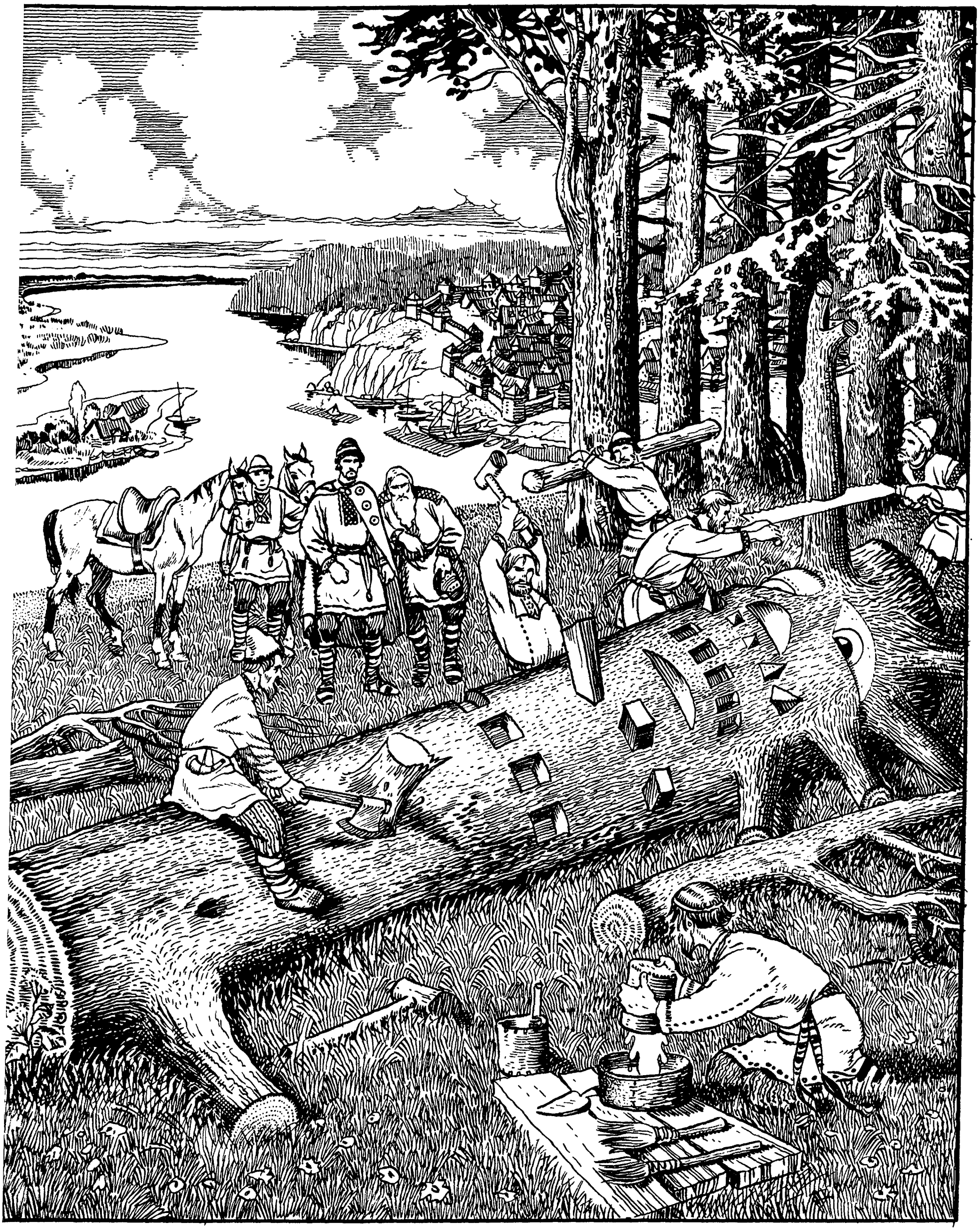
Волнуется Киев, ликует, поет, —
Владимир пришел из похода!
Дружине и Киеву пир задает
Владыка Руси и народа!

На плоском пригорке, над самой рекой,
У леса, у самой опушки
Повален на мох великан вековой —
Лежит без ветвей и макушки.

Работают дружно вокруг топоры.
Удары то слабы, то грубы.
Вот выдолблен рот на подобье норы,
Глаза высекают и губы...

Закончат, размажут. Сияя красой,
Великому Хорсу во славу
Подымется идол над этой горой —
Беречь молодую державу!

Владимира воля, — чтоб в память побед,
Достойно чтоб павших прославить,
И Киеву в честь, и в охрану от бед, —
Велел истукана поставить!

Работают дружно вокруг топоры.
Удары то слабы, то грубы.

И радостно Киев пирует, поет
И князя Владимира славит
За то, что обычаи предков блюдет,
За то, что он идолов ставит.

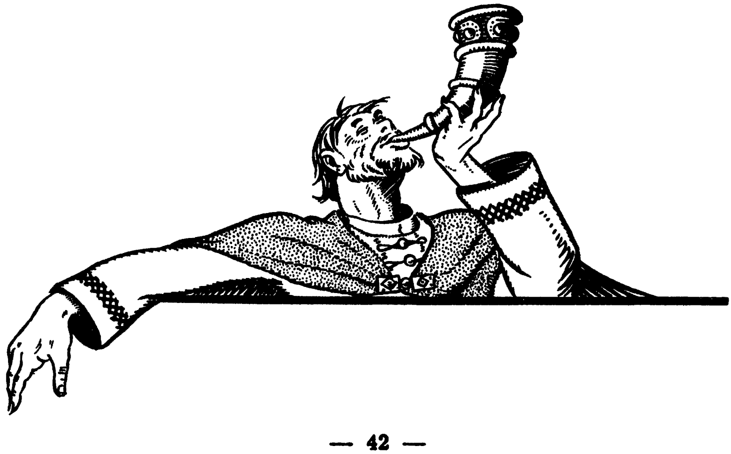
«Он в жены берет Ярополка жену!
Вдову не оставит заботой!..»
Красавиц уж Киев видал не одну,
Но эту он хвалит с охотой!

«Для веры славянской он новый оплот!
И плотью, и духом он с нами!»
И славу Владимира ветер несет
Над лесом, Днепром и полями...

Владимиром поднята чаша с вином,
И вдаль тишина побежала...
А солнце сияет над княжьим столом,
На чаше — в узорах металла.

«Добрыня! Удача и радость в пути!
Посадником в Новгород ныне
Уходишь! Счастливо по рекам идти!
Поклон Новгородской твердыне!»

Добрыня смущен и на князя глядит:
«Хоть молод, да видно лукавый!»
Владимир же тихо ему говорит:
«Чтоб в Киеве князь — одноглавый!»

ИДОЛЫ

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА К ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

Походы молодого князя Владимира, которые перебирает в памяти Рогнеда в своих ночных раздумьях, во второй главе этой части поэмы, произошли, согласно истории, сразу же по вокняжении его в Киеве.

Что касается выражения «От двух отцов», относящегося к Святополку, то оно заимствовано из летописи и имеет следующее основание. После гибели Ярополка Владимир женился на его вдове, красавице гречанке, и очень скоро после этого родился Святополк. Можно предположить, что он фактически был сыном погибшего Ярополка, а не Владимира, т. е. сыном старшего Владимирова брата, следовательно, по линии наследования великокняжеского стола в Киеве, он являлся первым среди всех своих братьев — сыновей Владимира. Это, вероятно, и было причиной того озлобления, которое было присуще Святополку в отношении ко всем своим братьям и сестрам и которое с особенной силой проявилось сразу же после смерти великого князя Владимира. За эти свои деяния он и получил прозвание «окаянного».

Требование приношения человеческой жертвы (главы четвертая и пятая) описано в летописи и относится к моменту возвращения Владимира после победы над Ятвягами, примерно в 983 году. Погибшие при этом варяги Иоан и Федор причислены Русской Православной Церковью к лику Святых Первомучеников Российских.

1. «НА РУСИ»

ТОРГУЕТ Русь. Ладьи, галеры,
Повозки, сани, паруса
Несут народам разной веры
Товар и славы голоса.
Хозары, франки, угры, греки
Дивятся меду и мехам,
И всех земель моря и реки
Открыты Киевским купцам...

Воюет Русь. Славян дружины,
Ведомы князем молодым, —
Как ледоход, неудержимы,
Неуловимы, словно дым...
Следит Владимир зорким глазом,
Чтоб не пришел сосед с бедой,
И киевляне раз за разом
Уничтожают вражий строй...

Пирует Русь. Поминки, встречи,
Приезд гостей, покупка жен,
Охота близко иль далече —
В веселье Киев погружен.
Пришла ль дружина из похода,
Победой укрепивши власть, —
Во славу княжеского рода
Пируют киевляне всласть...

Поют ли гусли, звуки ль рога,
Не забывает Русь богов!
Во славу Волоса, Сварога
Ряд новых идолов готов!

Волхвам, кудесникам почтенье,
Жрецы приставлены к богам,
Повсюду жертвенников тленье
И дым, идущий к небесам!

Даждь-бог, Стрибог, Перун и чуры —
Им поклоненье и почет!
Но немы идолы и хмуры,
Рождают в сердце страх и гнет...

Чего-то вера не давала,
А ум искал, искал, искал...
Молитва идолам вздымала
В душе недоуменья вал...

2. «РОГНЕДА»

Не спит Рогнеда. Ночь, тревоги
Терзают молодую грудь...
«Победу нам послали боги,
Владимир сможет отдохнуть...

Но отдых с кем? И чья победа?
И кто любимая жена?
Она ль, гречанка, иль Мальфреда?
Иль снова новая княжна?»

От ревности на сердце ранка
И по ночам она болит,
А память — верная служанка —
Всю ночь о прошлом говорит...

«Так неожиданно и бурно
Вошел Владимир в жизнь мою...
Тогда от крови стало дурно...
Убили всю мою семью...

Но он — мой нежный повелитель —
Он стал защитой, стал отцом.
Он друг, он брат, он утешитель...
Он сердцем смел! Красив лицом...

Недолго прожила Олава;
Владимиру была она
Не то жена, не то забава,
Рогнеда ж — старшая жена!

Но вот, покончив с Ярополком,
Его вдову себе он взял!
И не понять Рогнеде толком,
За что он сердце той отдáл?

Все говорят — она красива,
Но что красивого у ней?
Черна, смугла, худа, стыдлива,
А глаз не видела я злей!

Красива? Может быть, колдунья?
Быть может, ведьма с южных гор!
Гречанка зла, лукава, врунья,
А сын — Владимиру позор!

Мой Изяслав — его ребенок!
Мой Ярослав — его дитя!
А Святополка-то с пеленок
«От двух отцов» зовут шутя! *)

*) См. страницу 44.

Красива?! Я ли не красива!?
Не мной ли хвастался отец?
Не обо мне ли, всем на диво,
Под гусли говорил певец:

ПЕСНЯ О ДЕВОЧКЕ РОГНЕДЕ

«Чиста и свежа, как снежинка, —
Снежинки искрятся в глазах!
Тонка и гибка, как травинка —
Травинка в прибрежных лугах!

Стройна, как сосна над заливом, —
Заливы блестят меж ресниц!
А брови в размахе игривом —
Игривы, как крылья у птиц!

Холеные косы златые!
Златые — до самой земли!
Глаза синевато-стальные —
Стальные, как небо вдали!

Быстра — точно в небе орлица!
Орлица горда и сильна!
Вбежит — озарится светлица, —
Светлица улыбок полна!»

Певец, где ты? Давно ль то было?
Помог бы мне, коль был бы тут!
Я песнь Владимиру б сложила —
Пусть гусли славу разнесут!
Какой он смелый и прекрасный!
Как побеждает он врагов!
Как он силен! Какой он властный!
Как он к добру всегда готов...

Поход сменяет он походом:
Под Перемышлем ляхов бил
И, прославляемый народом,
К Руси полесье приобщил.
Потом, с орлиной быстротою,
Разбил он вятичей в лесах
И, овладев Окой-рекою,
Привез их дань на парусах.

Ходил на Неман он к ятвягам
И долго бился с ними там, —
Пришла победа к нашим стягам,
Как Сан и Неман сдался нам!
    Орлом парит он над землею!
    Все видит он — все стережет...
    И от соседей нет покою, —
    А там и свой найдется крот...

Владимир мой!.. Но отчего же
Так часто новую жену
К себе приводит он на ложе?
Есть земли, где берут одну!
    Гречанка, чехиня Мальфреда,
    Другая чехиня потом...
    Я старшая жена — Рогнеда!
    Я старшая!.. Что толку в том?!

Печаль и горе... Их разруша,
Сумеет снова радость дать
Одна лишь только Мать-Малуша —
Владимира старушка-мать...
    Княгиня ль новая, иль войны,
    Какая б ни пришла беда, —
    Она добра, она спокойна
    И ласкова со мной всегда.

Она поймет, она утешит,
Когда Рогнеда вся в слезах,
Распустит косы и расчешет...
Любви тепло в ее глазах!
  Она сумеет кротким словом
  В душе все раны залечить, —
  Поведает о Царстве Новом
  И о Христе начнет учить...

Для внуков пряник, ласка, шутка
С Малушей-бабушкой всегда,
А Изяслав и Яр-малютка
Старушке солнце и звезда...
  Теперь Малуша порядила
  К ребятам грека-чернеца!
  Ученье, сказывают, — сила!
  Пусть учит грек, взамен отца...

Отца?! Владимир, князь желанный!
Когда ж вернешься ты ко мне?!» —
И слышен стон и вздох гортанный,
Как шелест листьев в тишине...
  Прошел ли кто-то осторожно?
  За печью ль ведьмы варят вар?
  Рогнеда плачет, ночь тревожна...
  Бессилье женское — кошмар...

3. «ВЛАДИМИР»

  Не спит Владимир. Жарко, душно,
  И много дум, и много дел...
  Ему, как будто, всё послушно,
  Как будто, всё — как он велел...
Как будто мирны печенеги,
Смирился лях, хозары спят...
Собравши дань в лесах Онеги,
Вернулся бирючей отряд...

Ятвяги злы и не сдавались,
И много пало киевлян...
На Немане упорно дрались,
Теперь же будто нет смутьян...
За эту тяжкую победу
Мы жертву принесем богам!
Я обещал Вихряну-деду,
Что трех быков для жертвы дам.

Вихрян, как будто, недоволен...
Кудесник он — вещун и жрец!
Не рад и Клюн, и старец Волин,
И Ладолюб, и Белорец.
Подай им в жертву — человека!
Знатна победа — знатен дар,
А мне Стрибожичей опека
Не по душе, — как горький вар.

Теперь мы видим истуканов —
Ни правды в них, ни вещих сил...
Мы сами справили чурбанов,
Вихрян их красил и смолил!
Недаром гости так сурово
О них мне ныне говорят.
Сулят судилище Христово
И хвалят греческий обряд.

И средь дружинников немало
Найду теперь я христиан.
И в Киеве их больше стало —
Среди варягов и славян.
Никола-сотник, Федор, Павел,
Десятник Марк, десятник Тит... —
Я в княжьей сотне их оставил,
За это Клюн меня корит!

Кто прав — Вихрян иль христиане?
Вихрян колдун, он сеет страх,
Его боятся киевляне,
Боятся в разных городах!
Заговорить и сглазить может!
Судьбу он знает! Он лукав.
Захочет — хворому поможет,
Для раны даст навар из трав.

Но чужды мне его заклятья —
Безумье в них легко узнать!
Мне дали новые понятья
И Ольга-бабушка, и мать!
И вера наша в истукана —
Что гусли без поющих струн!
Принять же истинную — рано,
В сердцах славян еще Перун!

Перуна завтра станут славить,
Пусть чувствуют победы сласть!
Мне ж надо Русь, как терем, ставить —
На камень камень надо класть!
Тревожна ночь, — на крыше ль шумы,
Иль спор затеял с чуром тесть, —
Не спится князю: дело, думы,
Вражда, обиды, шёпот, лесть...

4. «ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ»

Высоко солнце. Небо сине.
Уснул спокойно Днепр-река.
От тучек — тени по долине
Бегут по воле ветерка.
Перун стоит, или Ярило —
Серебряный, рогатый лик...
Злаченый ус, и нос, как било...
С молитвой жрец к бревну приник:

«Стрелы, стрелы,
Белы стрелы,
Остры стрелы на врага!

Целы стрелы,
Наши стрелы
Остры, как рога!

Слава Перуну Всеславичу! —
Слава! Слава! —
Слава Перуну Солнцевичу! —
Слава! Слава! —

Тучи, тучи,
Гром летучий,
Гром певучий за горой!

Тучи, тучи,
Тучи кручи,
Грозный Громобой!

Слава Перуну Грозовичу! —
Слава! Слава! —
Слава Перуну Буревичу! —
Слава! Слава!»

Владимир золотом сверкает,
С богатым корзном на плече.
С улыбкой он жрецу внимает,
Сложивши руки на мече.
Вокруг, толпой красавцев статных,
Врагам Руси несущих страх,
Стоят друзья походов ратных,
Помощники в его делах:

Упрямый Клюн и мудрый Волин,
Никола, добрый Белорец,
И Тит, и Федор — друг Николин,
И Ладолюб — лихой боец.
За ними, грозными рядами,
Стоит дружинников наряд.
Сверкая красными щитами,
Жрецу ответы говорят.

«Князя щит, шелом и стрелы
Были б целы!
Были б целы!

Чтоб дружины наши смелы,
Были б смелы,
Были б целы!

Слава Перуну Воителю! —
Слава! Слава! —
Слава Перуну Отмстителю! —
Слава! Слава! —

Князя меч, дружины копья
Страшны для врага!
Враг растает, словно хлопья,
Как весной снега!

Слава Перуну Стрибожичу! —
Слава! Слава! —
Слава Перуну Сварожичу! —
Слава! Слава!»

Невдалеке от князя, справа
Стоят восточные шатры.
Там женщин и детей орава,
Темнеют на траве ковры.
В богатых ношнях там княгини
Сидят на пестрых тюфяках.
Горит, как мак среди полыни,
Сафьян цветной на башмаках.

... С улыбкой он жрецу внимает,
Сложивши руки на мече.

Народ толпится всюду праздный,
Глазеть и слушать всякий рад.
Обряд они видали разный,
А тут — невиданный обряд!
Костер дымит трескучий, шумный,
Сгорает жертва — тучный бык.
Перун стоит немой, бездумный,
И голосит Вихрян-старик:

«Боги, будьте милосердны
К нам усердным, нас усердных
Защити, Перун и Ладо!
Волос, защити нам стадо!

Защити, Световит! Защити, Руевит!
Защити, Поревит! Защити, Яровит!
Защити, Припекало, Макошь и Ярило!
Защити, Редегаст, Семарегла и Смок!
Защити нас и Несень и Ясони сила!
Защити нас Трибог, Чернобог, Белобог!

Светлым Стрибожичам слава! —
Слава! Слава! —
Хорсу и Сворогу слава! —
Слава! Слава! »

Жрец замолк. Народ стихает —
Возбужденный криком люд.
«Князь пресветлый! — начинает
Дед Вихрян: — Тебе дают
Боги славные победы,
Жизнь богатством расцвела,
Ты сильней, чем были деды,
Мудры все твои дела!

Не бычачью, не овечью
Разреши, о княже, нам
Веле-жертву — человечью
Принести теперь богам!»

«Славен князь Владимир! Славен!»
«Славен! Славен!» — понеслось.
«Князь, тебе никто не равен,
Отрокам жеребий брось!»

Толпа ревет, как зверь от крови...
Для князя — Тит ведет коня.
В седле Владимир, сдвинув брови,
Сказал: «Вершите без меня!»

5. «МУЧЕНИКИ»

Ликует Клюн, жеребий брошен!
Неистово толпа кричит.
Перун Вихряном тут же спрошен, —
Он жертву примет, говорит...
Толпа шумит, толпа ликует!
Жеребий пал на христиан!
Толпа, как Днепр в грозу, бушует:
Для жертвы — отрок Иоан!

У дома Федора, как буря,
Толпа гудит: «Отдай, отдай!»
И видит Федор, очи жмуря,
Перед собой небесный рай...
«Опомнись, Клюн! Постойте люди!
Во имя Сына и Отца!
Единый Бог и есть и буди!» —
Он говорит толпе с крыльца.

«Бездушны ваши истуканы,
Они не учат, не творят!
Сырые из лесу чурбаны!
Безумен жреческий обряд!
Есть правый Бог! Творец вселенной,
Творец земли, зверей, людей!
Для жизни тленной и нетленной
Он правду создал с первых дней!
Он создал тело, создал душу,
Он создал день и создал ночь,
Он создал солнце, воды, сушу
И духа зла поверг Он прочь!
Он Бог добра! Всему начало!
Он вездесущ! Он троелик,
А людям Божье сердце дало
Закон любви! Господь велик!»

Толпа замолкла и внимает,
И смелая варяга речь
Сердца как будто обжигает,
Как обжигает глину печь.

«И жизнь подарена мне Богом —
И мне, и сыну моему!
Далеко ль смерть, иль за порогом —
Ему известно одному!
Вас много здесь, а нас лишь двое.
Господь, Ты волен нас призвать,
Но им прости, что мыслят злое,
И дай им путь Тебя познать!

Я обнял сына, вот, смотрите.
Где ваши боги? — пусть возьмут!
Скликайте их! Сюда зовите!
Их вовсе нет!! Вихрян, ты — плут!!!
Вихрян, молчи! Твои проклятья
Безвредны мне! Вихрян, ты — врун!
Бессильны все твои заклятья,
Как немощно бревно — Перун!..»

Вихрян рычал, как зверь в капкане,
Как раненый стрелою лев:
«Чего вы ждете, киевляне?!
Перуна ль вам не страшен гнев?!
Он против нас и против бога!
Варяги вы! — кричал Вихрян. —
О сыне лишь твоя тревога,
А не о счастии славян!

Берите их! Вяжите руки!
За веру дедов и отцов!!»
«Вяжи! Руби!» — Ударов звуки
И крик толпы со всех концов...
Разрушен дом... Погибли оба...
Толпа безумная молчит...
«Вихрян, сыта ль твоя утроба?» —
С досадой Белорец ворчит.

Предстал пред князем жрец лукавый.
Разгневан князь. Молчит Вихрян.
«Ты говорил, что бог треглавый
Стоит на острове Руян?!

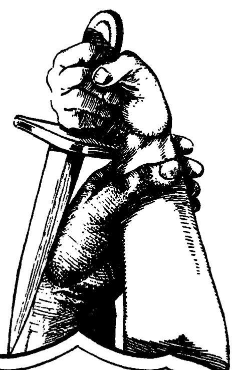
Ты говорил о Руевите,
О славных жертвах поморян,
О Родегасте, Яровите,
О божествах других славян?!

Плыви с болгарскими гостями,
Они с рассветом выйдут в путь.
Богов за дальними морями
Всех посмотреть не позабудь!

На семь годов тебя пускаю.
Вернешься — все расскажешь мне!
Поклон с тобою посылаю
Далекой северной земле.»

Владимир смолк. Потупя очи,
Стояли Клюн и Белорец...
Несло с Днепра прохладой ночи...
Шагал к реке упрямый жрец...

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

В БОРЬБЕ

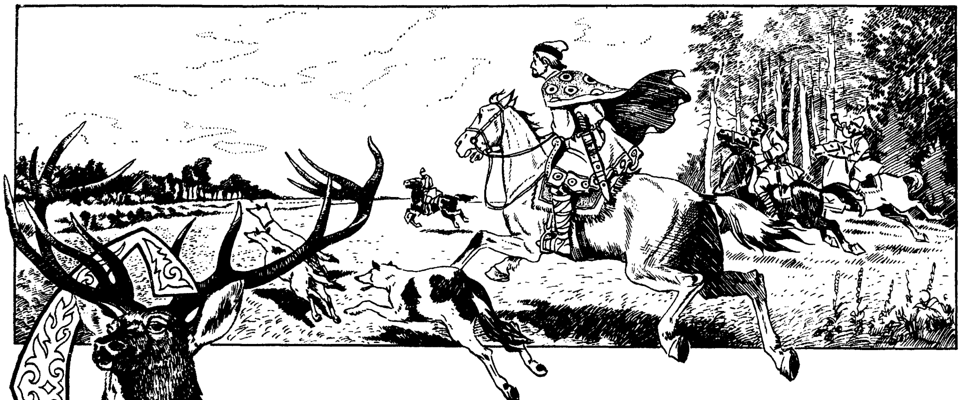
ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА К ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

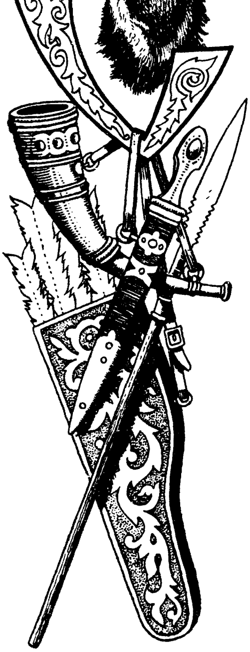
События, которые проходят перед читателем в этой части, вполне соответствуют историческому преданию.

Покушение на князя Владимира со стороны его жены Рогнеды и защита матери малолетним Изяславом изложены так, как об этом повествует история, а суд над Рогнедой отвечает обычаям и традициям того времени.

Поход на Бо́лгар на Волге также отмечен в истории и относится к 987 году. Отдельные фразы в беседе Добрыни с кн. Владимиром тоже заимствованы из летописи и приведены иногда почти дословно, так как автор старался полностью передать их чисто поэтическую красоту.

1. «ОХОТА»

КАЧУТ кони, мчатся кони,
Пробудилась целина,
Разгорелся жар погони —
В криках хмель, как от вина.
Лук тугой, рука — как камень,
Верен глаз, поет стрела,
Жжет сердца охоты пламень,
Не мешают удила.
«Вышел тур!» — «Арканом тура!»...
«Загоняй его в луга!»
«Будет ныне турья шкура!»
«Будет шкура и рога!»

Скачут козы меж кустами,
Стаи птиц из-под копыт,
Вепри с белыми клыками...
Нынче лов, а враг забыт.
Враг? Радимичам на Соже
Крепкий нанесен удар!
На Дунае были тоже,
Образумили болгар...
Эх, лети, мой конь, стрелою!
Все тревоги вдалеке,
Кончим скачкой удалою
Лов на Лыбеде-реке.

«Белорец, Никола, Павел,
Зверь — смотрите — за кустом!»
Князь стрелу свою направил, —
Не повел зверь и хвостом!
«Белорец, деревья эти
Не скрывают ли жилья?»
«Князь, княгиня там и дети,
Свет-Рогнедушка твоя».
«Дети, говоришь, Рогнеда?
Вон и дым с ее двора,
Да и время для обеда,
Едем к ним, как раз пора!»

2. «КИНЖАЛ»

Звезды яркие над степью
Утопают вдалеке,
Блеск луны златою цепью
Отражается в реке...
Спит Владимир мирно, крепко,
Но Рогнеда не заснет!
Горе впилось в сердце цепко,
Душу будто червь сосет!
«Здесь он, князь! Со мною ныне,
Завтра снова улетит.
Горше жизнь степной полыни,
Сердце от любви болит!
Ты моя любовь святая!
Мой супруг, владыка мой!
Мой?!.. Болгарыню с Дуная
Новой привезли женой!»
Горло сжалось тихим стоном,
Слезы капают. «Люблю!
Не отдам тя новым женам,
Лучше я тебя сгублю!»

Выплыл образ Ярослава, —
Непонятен мысли лёт...
Колыбелька, в ней Предслава
Ручки тянет и зовёт...
Изяслав, как все мальчишки,
Скоро сядет на коня...
Славные ее детишки...
«А Владимир без меня?!
Сколько я ночей рыдала!» —
И Рогнеда в тишине
Ищет рукоять кинжала,
Что повешен на стене...

Домовые! Водяные!
Ладо! Лель! Русалки! Смок!
Заступитесь, все святые!
Огради, Великий Бог!
Пальцы тихо шарят стену...
Вот кинжал... Висит в ножнах...
За какую куплен цену —
Знает лишь один Аллах...

Пальцы сжались... Вынимают...
Сталь остра... Рука легка...
Свет светильника сверкает
На поверхности клинка...
    Занесен!.. О Боже! Боже!!!
    В стену стук пустых ножон!
    Князь проснулся, вздрогнул, ожил,
    Будто бурей сдуло сон...
Взмах, рывок, — легка победа!
Вырван из руки клинок!
Разрыдалася Рогнеда
На полу у княжьих ног...

    «Свет-Владимир, князь желанный,
    Я безумна от любви!
    В сердце вполз змееныш странный...
    Лучше голову руби!
Жизнь моя горька, уныла,
Жду да жду, смотрю я вдаль,
За день вся растает сила,
Ночью слезы и печаль...
    Не прощай свою рабыню!
    Ничего любви взамен
    Не хочу! Уйду в пустыню!
    Лучше смерть, чем этот плен!»

Звук борьбы встревожил спящих,
Замелькал отсвéт огня...
Шепот громкий губ дрожащих:
«Князь, не звал ли ты меня?»

3. «СУД»

Скудно освещает сени
Ряд дымящихся лучин.
По стенам гуляют тени
От голов, от рук и спин...

«Князь, от предков так ведется!
Коль супруг убит женой,
Та супруга да побьется,
Да побьется смертью злой!»
«Князь, от предков так ведется:
Кто на князя помышлял,
Без прощенья да побьется!
Так Стрибог нам завещал!»

«Да побьется!» «Да побьется!»
«Смерть!» «Казнить!» «Рогнеде смерть!»
Гул от голосов несется,
Будто гром колеблет твердь.
Ладолюба голос мрачен,
Грозны Хват и Яроконь,
Страхом Белорец охвачен,
Светобора и не тронь...

«Князь, предать княгиню смерти
Кто осмелится из нас?
Князь, не спутали бы черти,
Не суди в полночный час!»
Голос Павла смел и ровен,
И Никола поддержал:
«Ночью трудно, путь не ровен,
Жизнь не конь: упал — не встал!»

«Ждать чего? Казни, да ныне!
Забирай тяжелый меч!
Сам отрубит князь княгине
Голову ударом с плеч!»
«Разом кончи! Среди ночи!»...
«Не убий! И не суди!»...
Князь стоит, потупив очи,
Сердце мечется в груди...

Поднят ото сна малютка;
Грек-чернец и нянька тут;
Наряжают, шепчут жутко;
Все спешат, чего-то ждут...
«Изяслав, разумный детко, —
Поучает Феоктист, —
Меч держи рукою крепко,
Меч-то мал, да ты когтист!
Соколенок, мальчик смелый,
Стань, как ратник, во вратах!
Скажешь: «К матери в пределы
Не пущу, — шептал монах. —
Скажешь...» — шепот деловитый
Все журчал, все повторял...
Раз Никола был сердитый,
Павел дважды забегал.

А в сенях стихали споры:
«Смерть! Обычай повелел!»
Устремив на князя взоры,
Ждали твердых, смелых дел.
Взявши меч, движеньем властным
Князь шагнул через порог...
Павел стал совсем несчастным,
Тихо шепчет: «С нами Бог!»

... «Выходи со мной на сечу,
У меня суровый нрав!»

Входит князь в преддверье спальни,
Крепкая дрожит рука,
Взгляд растерянный, печальный;
На жену — как на врага?!
Косы, косы золотые,
Их ли мне теперь рубить?
Помогите, домовые!
Мать что станет говорить?
«К детям как приду я с ложью?
Научи меня, Господь!..»
В полумраке голос с дрожью:
«Не пущу, отец! Погодь!
Выходи со мной на сечу,
У меня суровый нрав!» —
Говорил и шел навстречу
Шестилетний Изяслав.
«Не пускаю! Я на страже!
Меч остёр мой... и красив,
Жемчугом украшен даже,
Не пройдет ни змей, ни див!»

Отступил Владимир к входу,
Бросил меч и вздрогнул весь:
«Ухожу, тебе в угоду,
Кто же знал, что сын мой здесь!
«Ты сегодня победитель!
Оставайся мать стеречь...
Будешь вскоре, мой воитель,
В Полоцке рубеж беречь!»

Полутьма. Вошел Владимир
В думный круг друзей своих...
Тихо, будто терем вымер, —
Всё замолкло... Шёпот стих.

«Казнь не подвиг, не забава...
Меч мой отнял Изяслав...»
«Слава Богу, князю слава!» —
Крикнул Павел, быстро встав.
«Богом спасена Рогнеда
От безумья наших дел!
Видно, давеча беседа
Не была, как Бог хотел!
Не кочевники, не тати —
Мы властители земли!
В помощь будем Бога звати,
Освятил бы правдой дни!..
Ни в преданьях, ни в Перунах
Для ума утехи нет.
Радугою в наших думах
Пусть зажжется правды свет!..»

Князь замолк, вздохнул устало;
Возбужденный гул в ответ:
«Слава князю!» — побежало,
«Мы с тобой! Даем обет!»

«Мы поставим Изяслава
Князем Полоцких земель!»
«Мудр Владимир, князю слава!!
Победил он мести хмель!»
«Павел, скажешь ты княгине,
Свет-Рогнедушке моей:
Князь забыл, что было ныне,
Хочет княжить вместе с ней!»

«Слава князю!» «Слава Богу!» —
Ярокоть кричит и Хват,
И веселье понемногу
Растеклось среди палат...

4. «НА КАМЕ»

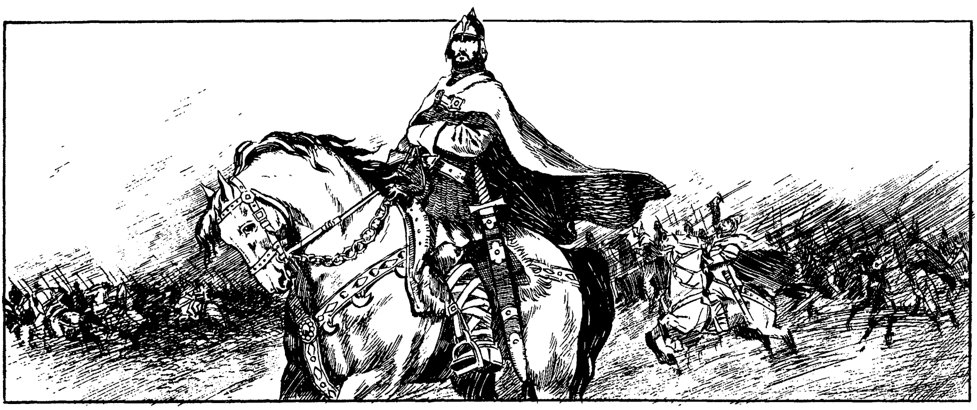
Владимир сильною рукою
Сдержал послушного коня.
Рука с тяжелой булавою,
Лицо горит, как от огня.
Горит от ратного угара;
Как мех кузнечный, ходит грудь;
Враги не вынесли удара,
Бегут! Открыт на Бо́лгар путь *).
Еще мечи шумят в овраге;
Там пешья рать, там Светобор,
А новгородские ватаги
Пошли уже вперед, в дозор.
На поле, где прошел с дружиной
Потоком конным Белорец,
Враги, сметенные лавиной,
Лежат, упав к бойцу боец.
Щиты разбросаны по полю.
Мечи, колчаны, кучи стрел...
Нежданно получивши волю,
Хромают кони возле тел...

Добрыня под'езжал навстречу,
В доспехах, в шлеме, со щитом...
Взирал все утро он на сечу
И ухмылялся сжатым ртом...
«Добрыня! Видел ли, как били
Богатыри мои врагов?»
«Владимир, рад твоей я силе
И славлю я твоих орлов.
Я видел все — и натиск Хвата,
Переяславцев смелый нрав,
И блеск Ростовского булата,
И стойкость Муромских застав.

---

*) Бо́лгар на Каме — главный город Бо́лгарского царства, на среднем течении Волги существовавшего от IX века до татарского нашествия.

Я видел, как пловцы пробрались
Меж камышей, во вражий тыл;
Смятенью бóлгары поддались,
К пловцам Никола поспешил,
А с ним черниговцы и торки,
И новгородцев сын повел.
На вражий стан, у лысой горки,
«Свиньею» Белорец пошел *)...
И разом поле побежало,
Как лани в страхе от волков...
Победный клич и звон металла
И торжество твоих полков...

И справа в битве, и в средине
Тебя я видел, мой орел!»
Князь перебил: «Хвала Добрыне,
За то, что ты на зов пришел!»

И двинулся Владимир шагом,
С Добрыней тихо говорит.
За ними Павел с княжьим стягом
И Ладолюб, и Марк, и Тит...

*) «Свиньей» назывался конный строй в виде треугольника, направленного острием против врага.

«Скажи, Добрыня, что за дани
Мне наложить на этот люд?
Не бедно тут живут волжане,
И дань пусть славную дают!
   По белой веверице с дыма
   Везут с Оки и от полян,
   За них кольчуги шлют из Рима,
   Мечи и ткани с разных стран.
Древляне шлют по куне черной,
Привозят кожи, мед, зерно...
Что может Болгар дать задорный?
Стада ли, мех ли, полотно?»

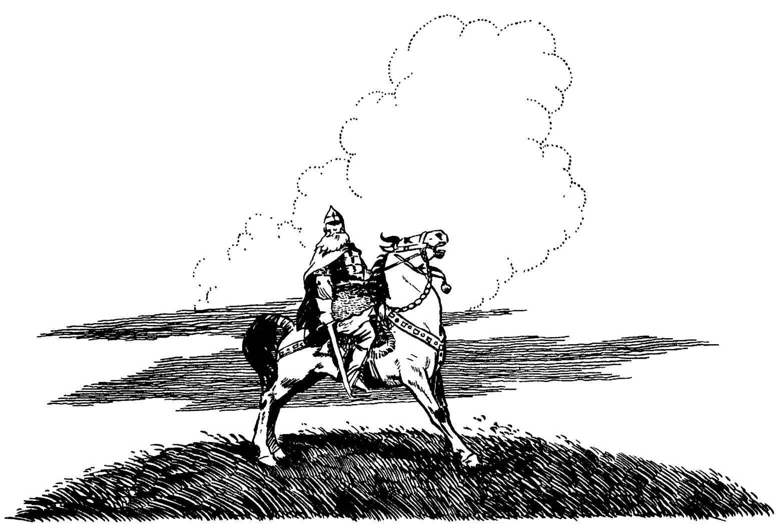
   «Владимир, я смотрел на пленных,
   На павших. Странные враги!..
   Смотри, в одеждах все отменных *)
   И все обуты в сапоги! *)
Возьми с них откуп: злато, ткани, —
И мир, Владимир, подари!
Не требуй с этих рабской дани,
От лапотников дань бери! *)
   А мир, скажи, даешь навеки!
   Доколь тонуть не станет хмель *),
   Иль камень плавать через реки *),
   Иль прорастет листвою ель...
Тебе б — чтоб Волга задремала,
Пусть мирна эта сторона...
Врагов, мой князь, вокруг не мало,
Врагами степь уже полна...
   Там печенеги, там хозары,
   Там византийцы, финны, чудь,
   А там дунайские болгары...
   И с ляхом осторожен будь!..
Сказали — новая забота
Опутала тебя уже,
И вере дедовской оплота
Не отыскать в твоей душе?!

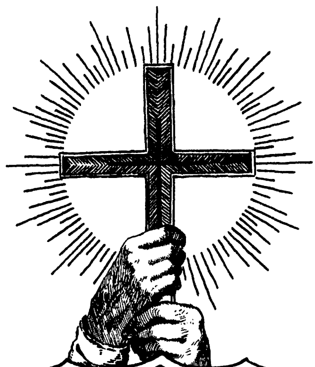
---

*) Эти фразы почти дословно взяты из летописи.

С тобой не буду спорить, княже,
Встречал я христиан не раз,
Бывал и в храмах ихних даже
И о Христе слыхал рассказ...
От их ученья правдой веет,
Там глубина, любовь, добро...
Но — осторожно! Грек сумеет
Отнять и власть, и серебро!
Правдива вера — люди лживы!
На брата мнят надеть хомут.
Поют о Боге — ждут наживы.
Для сильных лесть, для слабых кнут!
С тобой не спорю. Веры новой
Огонь славянам принеси.
Но власть держи рукой суровой,
Чтоб князь единый на Руси!»

Замолк. И грусть сошла к Добрыне.
Коня сдержал он на холме...
А над полями небо сине
И тучи в золотой кайме...

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

В ПОИСКАХ ПРАВДЫ

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА К ПЯТОЙ ЧАСТИ.

Скитающийся по свету, тоскующий по родине и философствующий Лука — это фигура вымышленная, но дальнейшие главы этой части, а именно проповедь муллы, затем раввина, латинян и греческого философа, вполне соответствуют историческому описанию этих событий, так же как и отправка «десяти смышленных мужей» в соседние страны и их доклад великому князю Владимиру по возвращении в Киев.

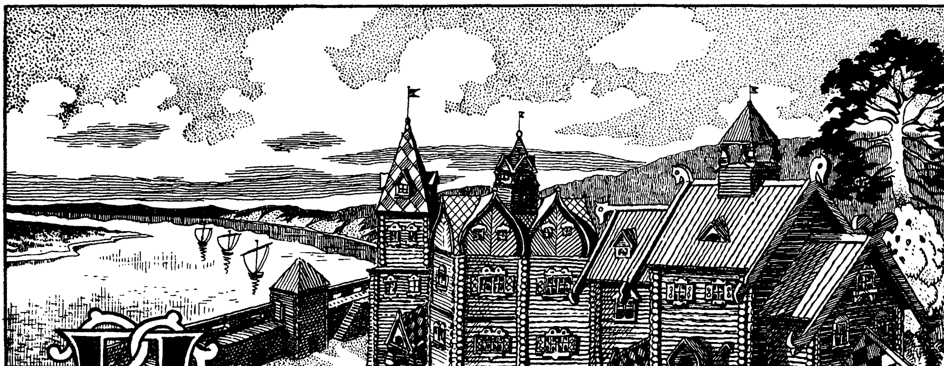
Повествование Рогнеды о посещении Апостолом Андреем тех мест на Днепре, где ныне находится Киев, и о первом чуде в Киеве во время княжения Игоря Рюриковича соответствует историческим преданиям.

Глава «Малая Дума» говорит об интересном моменте европейской истории. В то время в Европе были только две сильные империи: Византийская на востоке Европы с царями-братьями Василием и Константином и Римская на западе с императором Оттоном II, который был женат на сестре Византийских царей Феофано. К этому моменту Оттон II умер и императором был малолетний Оттон III, сын Феофано, а она правила за сына империей.

Женясь на царевне Анне, второй сестре царей Василия и Константина, князь Владимир становился равным всем трем царям, роднился с ними и возводил Русскую Землю на высоту царства, но ни в коем случае не попадал в подчинение тем, от кого он получал веру, как это бывало в истории других народов.

Отсылка из Киева отряда варягов на помощь Византийским императорам против находившихся в Малой Азии отрядов Фоки Варды является историческим фактом.

1. «РАССКАЗ ЛУКИ»

ПОДКРАЛСЯ вечер. Солнце ало.
Недвижим воздух. Днепр уснул.
По небу пламя разбросало,
И лес в тумане потонул.

Исчезли тени. Тихо стало.
Вошла прохлада в княжий сад.
Дымки лениво и устало
Вились над трубами палат.

Владимир с верными друзьями
Сидел средь сада на бревне.
Пьяняще-сладкий дух струями
От лип тянул, волна к волне...

«Как ты велел, привел из храма
Я, княже, старика Луку.
Он продан был в края Ислама
И много видел на веку.

Он вновь притек к своей отчизне, —
Николы речь лилась сквозь тишь, —
Но пусть он сам о тяжкой жизни
Расскажет, если ты велишь».

Владимир благосклонным взглядом
Обвел седого старика.
Тот скромен был своим нарядом
И был спокоен, как река.

Вопросов несколько вначале,
На них почтительный ответ, —
Воспоминанья побежали:
Картины многих тяжких лет...

«Помню — жили у оврага,
Помню мать, отца, сестру...
Набежала вдруг ватага
Как-то рано поутру.

Мать с сестрою были в поле,
В лес отец повел коня.
Не слыхал о них я боле,
Брата взяли и меня.

Всё сельцо-то — изб десяток!
Всё забрали, что нашли.
Птицу, коз, коров, теляток,
А сельцо-то подожгли...

Брату было лет под восемь,
Мне — не менее, чем пять.
Гнали лесом — мрачно, осень,
Я устал, давай кричать.

Пригрозили нам, связали
И еще быстрей пошли.
Вышли к речке, там загнали
На ладьи и повезли...

Где та речка, где то поле,
Где село и где овраг?
Сколько лет хожу на воле,
Но найти не смог никак...

Будто всё в тумане было...
Долго нас тогда везли,
Море за бортом бурлило,
Ветер дул с чужой земли...

А потом на рынке тесном,
Средь посуды и ковров,
Где так пахло жирным тестом,
Продавали нас с торгов...

Бог хранил меня и брата:
Нас купил богач-араб.
Дал за нас немного злата,
И надолго вот я — раб!

Жизнь раба! Кому охота
Слушать сказы о рабах?
На земле рабов без счета,
Как безмолвных рыб в водах!

Не про то моя беседа!
Полземли я исходил.
Мой хозяин, непоседа,
Караваны проводил.

Едешь, песням тихо вторя,
Подгоняя караван;
Сколько смеха, сколько горя,
Сколько видишь чудных стран...

Сколько лиц, угроз, приветов,
Сколько тесных городов,
И вопросов без ответов,
Горьких дум, тревог, трудов...

Жил хозяин по корану,
Омовенья совершал,
Поучал меня исламу,
Я обряды твердо знал.

Верил в святость Магомета,
Но пытливый, резвый ум
Не нашел тогда ответа
На вопросы дерзких дум.

Раз на рынке мой хозяин
Нового раба купил.
Был он с греческих окраин,
Звали грека — Феофил.

Плыл в Египет он с купцами.
Налетели вдруг воры, —
Вопли, кровь под парусами...
Стал рабом он с той поры.

Был он мудр, учен, спокоен;
Был немолод, но речист.
Знал, как Божий мир устроен.
Кроток был и сердцем чист.

Много лет мы были вместе.
Всё во мне переменил
Поученьями без лести
Терпеливый Феофил.

Научил любви Христовой,
Мудрость веры мне открыл.
В безотрадности суровой
С верой прибыло и сил...

Будто новыми глазами
Стал я видеть жизнь вокруг;
Разум мой созрел с годами,
Душу просветил мне друг.

Люди сделались прозрачны,
Видел их, как дно ручья...
Души темны, мысли мрачны,
Люди немощны, как тля!

А над этим слабым родом,
В тьме идущим, как слепец,
Беспредельным небосводом
Излучает свет Творец!

Мы безумны! Не вникаем
В мудрость слов и в этот свет.
А земля была бы раем,
Лишь принять любви завет!..

Не любовь, а жало мести,
Зависти повсюду яд...
Видывал я силу лести,
Злобы дьявольский обряд...

... В безотрадности суровой
С верой прибыло и сил...

Видел стоны, видел слезы,
Кровь невинную детей...
А над миром, без угрозы,
Тихий голос: «Не убей»!

Видел зов богатства, славы, —
Всё для них — и ложь, и рать...
К злату всех манит лукавый,
А над миром: «Не украдь!»

Видел, как стремились к власти, —
Кто помеха — всех сгуби!
Вижу алчность волчьей пасти,
Слышу шепот: «Возлюби!»

Мысли в голове вставали,
Как столбом встает песок...
С караваном мы шагали
То на юг, то на восток.

Феофил в каком-то граде
Встретил греков чернецов.
Греки взялись, Бога ради,
Весть снести в страну отцов.

Много раз луна сменила
Свой непостоянный лик,
А надежда Феофила
Нас поила, как родник...

Видно, крепко было слово
Встречных бедных чернецов...
Брата выкупить родного
Брат прислал своих гонцов.

По желанью Феофила
Выкупили и меня.
Жизнь ворота растворила;
Не забыть того мне дня!

Вместе с Феофилом в греки
Уходили, день спустя;
С братом старшим я навеки
Попрощался, уходя...

Брат умельцем был по коже.
Старшим был среди рабов.
Жить не сладко было тоже,
Хоть ходил он без оков...

Но привык он к рабской пище,
Не нашел в себе он сил
Бросить город, плен, жилище,
Как учил нас Феофил.

Он — как лошадь, что по кругу
Ворот тащит за собой;
Мысль, покорная испугу,
Кнут свистит над головой...

Ложе там, горшок с едою,
Льны с хозяйского плеча,
Жизнь проходит за спиною,
Изредка — урок бича...

Ни проклятий, ни укора,
Страх в безропотных глазах,
Ни улыбки, ни задора —
Брат остался там в рабах...

Много лет я прожил в греках,
Изучал закон Христа...
Побывал на разных реках,
Где славянские места...

Часто, голос сердца слыша,
Я искал — а где ж мой дом?
Где соломенная крыша,
Столб над ней с большим гнездом?

Где горшки на частоколе,
Где с узорами крыльцо,
Где овраг и где то поле,
Где родное мне сельцо?..

Ладно жить и на чужбинах.
Есть одежда, хлеб и кров.
Но в душе, в ее глубинах
Не стихает дальний зов.

Зов придет то птицей-песней,
То с ветрами, то в тоске,
Зов к местам, что всех прелестней,
Что как солнце вдалеке.

Зов туда, где выше небо,
Дали шире, ночь светлей,
Золотее поле хлеба,
Воды слаще, лес темней!

Вечный гнет неукротимый —
Зов туда, где всё милей!
Снится раем край родимый, —
Хворь по родине моей...

Знал, зачем к родным просторам
Рвусь. Несу им ценный дар:
В душах словом и укором
Разожгу я веры жар!

Божьей мудростью всесильной
Создан многоликий мир,
И явлéн из тьмы могильной
Человек на Божий пир...

Радость, силу, жизнь вкушает, —
Захмелел, и в пляс стопы!
Кто Хозяин — он не знает,
Гости кто, а кто рабы?

Только Бог, единым словом,
Вспышкой в облачной глуби
Мог на всё гостям суровым
Дать простой завет: «люби!»

Понял я: Творец над нами!
От Него и жизнь, и свет!
Мы живем Его дарами,
Без Творца и правды нет!

Если в думах, в сложной пряже,
Эти одарить места
Мнишь ты добрым сердцем, княже, —
Вникни в истины Христа!..»

Вечерний свет, дыханье сада,
Рассказ нестройный старика,
Сверчки, бодрящая прохлада,
Вдали безбрежная река...

В реке купаясь, как в купели,
Всходила яркая луна...
Мечты рождались, думы зрели,
Стремленьями душа полна...

Владимир тихо начал: «Други,
О вере мыслил я не раз.
Не всё ж походы, да кольчуги,
Пиры, охоты, мед да квас.

Душа давно стремилась к Богу,
Бывал я в храме христиан...
Я в сердце чувствовал тревогу,
Мне чужд дубовый истукан...

Лука, тебя мне слушать любо;
Сравнить с Христом Перун-бревно,
Что терем стройный против сруба;
Я слышу о Христе давно...

Соседи ж разно славят Бога,
И хвалит веру всяк свою.
Помыслим, наша где дорога
И правда где, в каком краю...»

2. «МАГОМЕТАНЕ»

Высокий потолок в узорах;
На окнах переплёт резной;
В расшитых золотом уборах
Столы и скамьи под стеной.

Щиты висят, с трезубцем стяги,
Повсюду шкуры и ковры...
Хозары, греки и варяги
С поклоном шлют сюда дары.

Сошлись к Владимиру боляре:
«Он вере изменить готов!?»
Сердца стучат, как на пожаре:
«Не чтит он дедовских богов!?»

Сидит Владимир, с ним Никола,
И Белорец, и Хват, и Тит.
Напротив, с бородой до пола,
Мулла степенно говорит:

«У мудрого Бога
Пророков премного,
Как звезд в небесах и планет.

Их тысячи славных,
Но шестеро главных,
А первый средь них — Магомет.

Мы знаем Адама,
Мы чтим Авраама,
Моисей излучает нам свет,

И Ноя мы знаем,
Всегда почитаем
Святой Иисуса завет,

Но страны востока
Не знают пророка
Светлее, чем был Магомет.

К нему с откровеньем
Аллаха веленьем
Архангел слетал Гавриил;

Слова для Корана
Средь горного стана,
В пещерах ему говорил.

Коран создавая,
Дорогу до рая
Для всех Магомет проложил.

Молись пятикратно,
Да мойся опрятно,
Живи, как Коран положил.

Не знаем мы страха!
Веленьем Аллаха
Для всех предназначен кисмет!

Жить смело и честно!
А Богу известно, —
Ты в рай попадешь или нет.

Умрешь — и дорога
До рая чертога
Ведет по мосту среди скал.

Он тоньше, чем волос,
Дрожит, словно колос,
Острей, чем дамасский кинжал.

Блажен правоверный!
Он мост непомерный
Спокойно пройдет до конца

И будет беспечно
Он жить бесконечно
В тенистых садах у Творца.

Язычник — о горе! —
В горящее море
С моста навсегда упадет.

И грешник сорвется;
А Иблис смеется,
Он в дьяволах князем слывет.

Прими ж без смущенья
Ислама ученье,
Живи, как пророк научил!

У нас о спасенье
О всевоскресенье
Архангел трубит Уриил.

Жить смело и честно!
А Богу известно, —
Ты в рай попадешь или нет.

Аллахов воитель
И смерти властитель
Архангел у нас Рафаил.

Народов хранитель,
Людей покровитель —
Архангел святой Михаил.

Но правда воспета
В словах Магомета:
Единый над миром Аллах!

Не верь истукану!
Живи по корану
И будешь ты в райских садах!

Коль встретится нищий,
Без крова и пищи,
Будь милостив, — учит коран.

Поститься обязан
Весь день, как указан
Нам длительный пост в Рамазан.

Наказ человеку —
Отправиться в Мекку
К святыням хоть раз на поклон.

А мясо свиное —
Для пищи худое —
Вкушать запрещает закон!

Но сладких томлений,
Любви наслаждений,
Законом никто не лишен.

По власти и доле,
По силе и воле —
Имей хоть три дюжины жен!

Но вина хмельные
И браги пивные
Не пить! — повелел Магомет.

Обрежься в исламе
И дай перед нами
В покорности Богу обет!»

Владимир думал, как ответить,
Чтоб Киев подхватил ответ,
Ктоб мудрость Киев мог отметить
И повторял бы много лет:

«Учитель с востока,
Мы мудрость пророка
Прослушали. Вот ти ответ:

Веселье нам пити,
Не можем мы быти,
Как требует ваш Магомет!»

3. «ИУДЕИ»

Всё тот же терем, те же други
И та же мысль — где правый Бог ?
Её средь дел и на досуге
Владимир позабыть не мог.

Послы хазарского Кагана
Пришли раввины-мудрецы,
И после вестников Корана
Он Торы слушает столбцы.

Внимает древним он преданьям
О сотворении миров,
Как обречен Адам страданьям
Во искупление грехов.

О тате-Каине жестоком,
О Хаме и чему тот рад,
Как лился дождь в потоп потоком,
Как Ной приплыл на Арарат.

Как языки под Вавилоном
За дерзость Егова смешал,
О чудесах под Ерихоном,
Как жертву принимал Ваал...

И о Содоме и Гоморре,
Погибших грешникам на страх.
О Вавилонском плене-горе,
О славных Якова сынах...

Как из Египта убежали
В голодный и пустынный край,
Как заповеди и скрижали
Принес пророк с горы Синай.

И о земле обетованной,
Кто Богом избранный народ...
И как Мессия долгожданный
Народ к победе поведет...

«И ждем Мессию, ждем, как чуда!»
Владимир жестом перебил
И толкователя Талмуда
Он голосом сухим спросил:

«Мудрец, скажи, где те долины,
Что славит нынче речь твоя?
И где святыни Палестины,
И пашет ваши кто поля?»

«Пресветлый князь, по Божьей воле,
За предков грех та сторона,
Увы, подверглась страшной доле,
Осквернена, разорена...»

«Мудрец, ты свой обычай славил,
Отверженный, ты нас учил?!
Не вас ли за грехи оставил
Ваш Бог — рассеял, разорил?..»

И снова обсуждает Киев
И повторяет князя речь.
«Не чтит он веру иудиев!
Перуна велено беречь!»

4. «ЛАТИНЯНЕ»

Сладкословны посланники Рима,
И подарки они привезли;
Их почтительность неоспорима,
Их поклоны почти до земли.

На послах велелепны наряды;
Кружева и шуршанье шелков.
Христианские хвалят обряды,
Осуждая славянских богов.

Обещают в походах подмогу,
А от Папы — прощенье грехов,
И до рая прямую дорогу,
Разрешают от строгих постов.

Но не долго аббатам внимали
Князь Руси и его удальцы.
«Наши предки того не прияли, —
Он сказал, — уходите, отцы!»

Киевляне, в усы ухмыляясь,
Провожали на запад послов.
«Их Владимир прогнал, не смущаясь!
Постоит он за веру отцов!»

5. «У РОГНЕДЫ»

Ковры, меха, парча, подушки,
Светильник масляный в углу.
На лавку бросили игрушки,
Забыли пяльцы и иглу...

Владимир, меж подушек шитых,
Раскинувшись, с ленцой лежит.
Рогнеда милые ланиты
Ласкает, кудри теребит.

«Мой господин, моя отрада,
Устал, дремли, лежи без слов;
А мать-Малуша рада, рада,
Что папских ты услал послов.

Устал, родимый, дело, дело,
А сокол мой лишь делу рад.
То что-то где-то погорело,
То где-то новый супостат...

Видал — лежат на лавке пяльцы;
Предслава — скоро пять ей лет —
Все исколола нынче пальцы:
Тебе на думку маков цвет!

Мстислав растет, шалун изрядный,
А Ярослав калечен, хвор...
Дремли, мой голубь ненаглядный,
Двурогий месяц зрит во двор.

Поведаю тебе сказанье, —
Мне говорил старик Лука.
Здесь плыл Апостол, есть преданье,
Благословляя берега.

Он плыл Днепром, и в этом месте,
Где ныне красен-Киев встал,
Сошел с учениками вместе
И тут народы поучал.

Потом предрек: «Здесь граду быти!»
Предрек и славу этих мест
И перед тем, как дальше плыти,
Он на горе воздвигнул крест...

А мать-Малуша говорила,
Что помнит дедовский рассказ, —
Еще до Игоря то было:
Во Киев греки как-то раз

К Руси епископа прислали,
Чтоб вере поучать народ.
Ему на торжище внимали
У главных киевских ворот.

Он поучал о Божьей силе,
О всемогуществе Творца,
А киевляне вдруг спросили
Преосвященного отца:

«Старик, не явишь ли нам чудо,
Чтоб мы поверили в Христа?
Досель Перун служил не худо...
Нам силу покажи креста!»

«Какого чуда ждете, люди?» —
Спросил епископ киевлян.
«В огне евангелье да буде *)
Да не сгорит!» — ответ был дан.

Раздули огнище большое,
Пылают сучья, валит дым.
Старик евангелье златое
Понес к огню, молясь над ним...

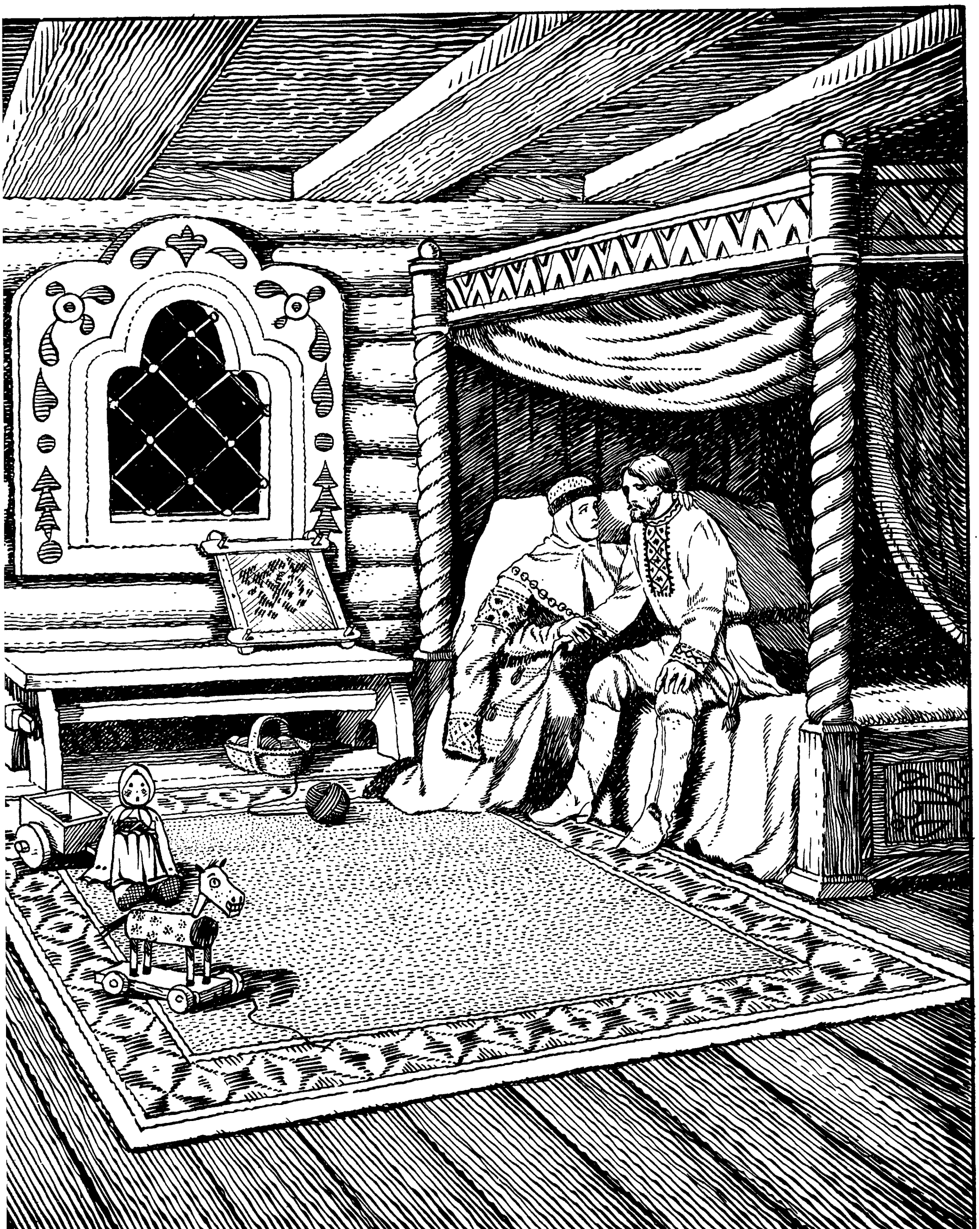
И в пламя вверг! Пылает хвоя,
Горят дрова, трещит костер...
Епископ, на коленях стоя,
Оборотил ко небу взор...

Костер потух, а вера крепла.
Огнем нимало вреждено *)
Нашли евангелье средь пепла!
Блистало золотом оно!

И мнози во Христа крестились.
Так говорит Малуша-мать.
Так христиане появились;
Пришла от греков благодать...

---

*) Отдельные слова заимствованы из славянского текста.

«Мой светлый князь, прими крещенье,
Как Ольга, — греческий закон».

Вот видишь, солнце золотое,
Рогнеда припасла опять
Для князя сказы про былое,
Чтоб на досуге рассказать»...

«Я рад, Рогнедушка голубка,
Заботе обо мне, поверь!..
Различен зверь — различна шубка,
А ты, мой светик, что за зверь?

Жрецы корят Перуна ради,
Твердит Никола о добре,
А мать твердит о Цареграде,
Рулав-варяг о серебре...

Иные, точно старец Волин,
Твердят: «А встарь так не было́!»
Всегда и всем он недоволен:
Чего не ведали, — то зло!»

Но мать чиста — ей верить сладко.
Рулав — что в хлебной клети мышь...
А ты о чем, моя касатка,
Колдуешь, шепчешь, ворожишь?»

«Мой светлый князь, прими крещенье,
Как Ольга, — греческий закон.
Перун для всех — одно смущенье,
У мусульман же много жен!

Крестись, у греков вера права,
Мужи живут с одной женой,
Благого христиане нрава...
И будем мы — вдвоем с тобой!»

Вздохнула тяжело Рогнеда,
Целует милые глаза...
И мнится ей — близка победа,
А по щеке бежит слеза...

6. «ВИЗАНТИЙЦЫ»

Босфорский философ пред князем Руси
Не первый уж день поучает.
И ведает Киев, кого ни спроси, —
Владимир прилежно внимает...

«Мы верим в Единого Бога-Отца!
Всесилен Господь-Вседержитель!
И небо, и суша — созданья Творца!» —
Так начал заморский учитель.

Потом из Заветов он многое рек;
Смелей становясь постепенно,
О притчах Христа проповедует грек,
И голос звучит вдохновенно:

«Подарен ти ум, как таланты, Творцом, —
Расширь, приумножь дарованья!
Прощай, как Христос на кресте, пред концом,
Приявший безвинно страданья.

Но против неправды, лукавства — мечём
Борись, для бесовского срама!
Восстань против зла, как Христос, что бичём
Изгнал торговавших из храма.

Забудь про величье, про гордость, про гнев!
Да чисты твои помышленья!
К нам Бог снизошел, нашу немощь узрев,
Неся от грехов избавленье!

Про Царство Небесное Он рассказал,
Про жизнь без печалей средь рая,
Бессмертие верным Христос обещал,
Идти за собой призывая.

И грешникам путь к очищению дан —
Покайся! Спасет покаянье!
Пред Богом варяги не лучше славян,
Для всех по делам воздаянье!

Будь милостив к людям, к обманщику строг,
Ко всем справедлив без различья.
Людей не гнушайся! Стыдился ли Бог
Принять человека обличье?!

Смиренно живи, сторонись от греха,
Не знаешь ни дня ты, ни часа,
Когда тя разбудит приход Жениха
Иль звуки зовущего гласа.

За жизнь и за каждый дарованный час
Творцу вездесущему слава!
Но Бог не работник, чтоб сеять за нас!
Уныньe и праздность — отрава.

Богатство дурманит, грехи создает!
Верблюд длинноногий горбатый
В игольные уши скорее пройдет,
Чем в царство Христово богатый!

Врагов не страшится, кто с Богом идет!
А вера — залог нам спасенья;
И волос с твоей головы не спадет
Без воли на то Провиденья!

Войны да избегнет держава твоя,
Но враг коль отчизну тревожит, —
Блажен, кто живот свой за други своя,
За Бога, за правду положит!

И чистое сердце для Бога готовь!
В Своих откровеньях оставил
Христос, как первейший завет нам, любовь —
Основу для жизни и правил.

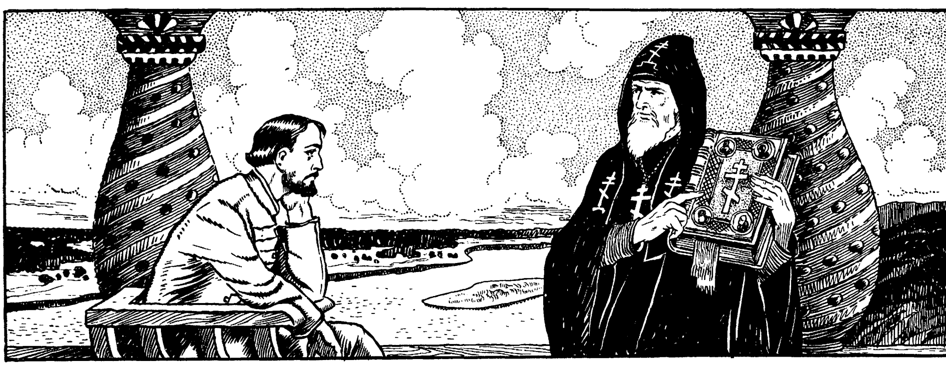
Любовь — это мудрость, светильник святой!
Повсюду в делах, в помышленьях —
Любовь к человеку да будет с тобой
Звездой и в борьбе, и в сомненьях.

Люби и дружину, люби и врагов.
Настойчивым будь в устремленьях!
Молись и стучись, и ответят на зов —
Христос так сказал в наставленьях.»

И долго философ еще говорил
О тяжких грехах, о прощенье,
О Церкви Христовой, о дыме кадил,
О дьяволах, об искушенье,

О Матери Божьей, о Духе Святом,
О душах людских, о крещенье,
О крестных страданьях, приятых Христом,
О силе молитв, о спасенье,

О воле, заложенной в нас неспроста;
Как жизнь покаяньем исправить;
Что вольны идти мы дорогой Христа
Иль силы к лукавству направить.

«Весь мир разделен на добро и на зло,
Повсюду бесовские силы!
Иди за Христом! Хоть порой тяжело,
Терпи и не бойся могилы!

Терпи! И Христос от людей претерпел!
Заветы Христа соблюдая,
Живи. И в награду за праведность дел
Наследуешь жизнь среди рая.

Своим воскресеньем Христос показал,
Что с ним был Господь Вседержащий.
И смерть уничтожил. И свет воссиял
С тех пор, от Христа исходящий.

Он жить научил! Он творил чудеса!
Дана им к спасенью дорога!
Он распят, воскрес, вознесен в небеса!
Он — Сын Всемогущего Бога!!»

И паки философ учил и учил...
В хоромах внимали усердно...
Когда он окончил, его наградил
Владимир дарами примерно.

Философ спросил: «А крещенье когда?
Когда ты уверуешь в Бога?»
Владимир ответил: «Теперь не беда
Подумать, — потерпим немного.

Пошлю я послов в Цареград на Босфор,
К хазарам и в Бóлгар на Каму,
И в Риме пусть папский проведают двор,
Рассудят — к Христу иль к Исламу.

Посмотрят: по правде ль народы живут
И как соблюдают законы,
Хранит ли их Бог, да и Бога ли чтут
И крепки ли царские троны...»

7. «ИДОЛОПОКЛОННИК»

Сменялись дни, леса шумели,
Гуляли ветры над Днепром,
То пеленали Русь метели,
То висли облака шатром.
Но вот воскресли краски лета,
И в полдень зной колышет даль,
И вся природа разодета
В зеленый шелк, в цветную шаль...

На солнце грелись возле рощи
Перун и старец Волин с ним.
Старик седой, высокий, тощий...
Случалось им бывать одним...
«Перун, спасай, явись, могучий,
Отверзи хляби, пробудись,
Пошли с огнем и градом тучи,
За чад исконных заступись!»

Старик молил, взывал, сердился,
Тряслась седая борода,
Он на колени становился
И повторял: «Беда, беда!
Перун, забыли человеки,
Что ты владыка в сих местах!
С тех пор, как побежали реки,
Ты здесь царишь, врагам на страх.
Скликай богов! Зови Волоса,
Сварожьих внуков и детей,
А то нас крестит князь без спроса,
Иль всех обрежет иудей.

«Перун, спасай, явись, могучий,
Отверзи хляби, пробудись...»

Вступись, Перун!.. И Хорс и Ладо!
Вы нас оставили за что ж?
Чужого Бога нам не надо,
Дождь-бог, неверных уничтожь!
  Мы жить хотим, как предки жили!
  Хотим жестоко мстить врагам!
  И жен — как прежде жен водили.
  Чужой и мед не сладок нам!
Вступитесь, чуры, Лель, Ярило!
Перун, не мало верных нас!
Вели, чтоб греков разорило,
Пошли на Бо́лгар мор и сглаз!
  Перун, беда!» — И, взяв лукошко,
  Старик пошел траву срывать,
  Сгибаться, приседать немножко
  И заговоры причитать:

    «Зажгись, заря, гори лучами,
    Яри поля, пали леса,
    Перун-пестун, пребуди с нами,
    Врагов моих коси коса...
  Бурлила буря, билом била,
  Громила грозная гроза,
  Зеленым зелием залила
  Роса-слеза, краса-глаза...»

Устал. И смотрит беспокойно:
Белеют паруса вдали —
Ладьи Днепром-рекою стройно
Тянулись, словно журавли...

8. «БОЛЬШАЯ ДУМА»

Пришли и спустили долой паруса.
Пристали к досчатым причалам.
Качаясь, скрипят на воде корпуса,
И весла лежат по завалам.
Сгружают товары: в боченках, в тюках,
В кадушках, в плетеных корзинах.
Порой осторожно несут на руках,
Порою относят на спинах.
То гости на Русь. Из далекой земли
Пришли водяным караваном.
Мониста и сукна они привезли
И вина и соль киевлянам.
Собрался народ посмотреть на гостей;
Приехал-то кто, да откуда?
Ребятам — не видно ль заморских сластей,
А бабам — платки да посуда...
И десять «смышленых мужей», наконец,
Вернулись — корабль их доставил.
Средь них Ладолюб, Яроконь, Белорец,
Добрынич, Данило и Павел.
К Владимиру князю опять собрались
Бояре седые, дружина,
От Киева «лучшие люди» сошлись
На зов своего господина...
И слушают повесть о странах чужих.
И слушая мыслят: «готовься»...
Ислам не хвалили послы; у иных:
«Не видехом лепоты вовсе»... *)
«Зато в Цареграде, во храме большом,
Красу мы такую узрели, —
Не свемы, на небе ли мы со Творцом, *)
Не ангелы ль в храме воспели?!
Премного горело свечей и лампад,
По сводам узоры цветные,
Моления пели по несколько крат,
Усердно читали иные...

*) Отдельные слова заимствованы из славянского текста.

Прелепо намазаны лики святых,
Закованы в ризы с камнями;
И сам патриарх в облаченьях златых
Крестом осенял и огнями...
Народ благолепно во храме стоял
И оба царя предстояша,
И Анна стояла, лицо не тая,
Красива — не сыщешь и краше...
Молился народ, Патриарх возглашал,
Пречудну мы радость вкусили!
Сердца наши свет с небеси осиял, —
Воистину с Богом мы были!..
Склонялися все до земли головой
И к Богу взывали ревниво,
И ясно, что с ними Господь Пресвятой,
Что вера у греков правдива!..»

Замолк говоривший. Дыханье тая,
Дружина рассказу внимала.
Вдруг голос раздался: «Не бабка ль твоя
От греков обычай приняла?»
Смелее откликнулся голос другой:
«Княгинюшка Ольга была-то,
Как бают, мудрее мужей головой
И в греки пошла неспроста-то».
И многие начали враз говорить,
И шум преисполнил хоромы,
Как будто бы Днепр повстречал Неясыть, *)
Как летом нежданные громы...
Но вот приподнялся Владимир, и вмиг
Прошла тишина по палате:
«Для нас этот день, киевляне, велик!
Где мните крещенье прияти?»
Спокойнее Днепр позади Вульнипраг, *)
Вернуться Днепру не прикажешь...
И князю дружина ответила так:
«Где будет ти любо, где скажешь».

*) Неясыть и Вульнипраг — пороги на Днепре.

9. «МАЛАЯ ДУМА»

Пока киевляне идут по домам,
Кто весело, кто и угрюмо,
Владимир по саду гуляет — не сам:
С Владимиром «Малая Дума».

Добрынич ведет о посольстве рассказ,
Ему Белорец помогает.
Беседа о том, что не всем напоказ,
Что верный советник лишь знает...

«Не дашь ли в подмогу оружную рать,—
Цари вопрошали, — на Фоку?
А Фока, сказали, мятежник и тать,
Стоит от Босфора к востоку.

За это тебя одарят и крестят,
И Анну-царевну ти в жены,
Коль волен посватать, дадут, говорят, —
То кровь Византийской короны!

И думалось мне, государь мой и брат,—
Со мной и отец согласился,—
Что если на Анне ты был бы женат,
Ты трем бы царям породнился:

На юге Василий и с ним Константин,
Цари Византийского трона,
На западе отрок Оттон — властелин,
Не мала держава Оттона!

А царствует мать-то, красива собой,
Сестрица царей — Феофано,
А Анна, вторая сестра, — за тобой...
Корону на Русь бы — не рано!»...

Теперь загудел сквозь усы Белорец:
«Свободно б осталось княженье;
Руси не пришел бы от греков конец,
Как только мы примем крещенье.

И чехам, и сербам, слыхать, не легко;
Коль ты породнишься с царями,
Опасность, пожалуй, тогда далеко —
Ты брат им, — они за морями»...

Владимира очи в пустое глядят,
А душу тревога терзает:
«На Фоку отправлю варягов отряд,
Пусть славу Рулав добывает!

А если обманут босфорцы, тогда
На Корсунь нежданно, до снега!
У греков богатые там города,
Напомню им время Олега!

Коль остры мечи, так легко говорить;
За Корсунь — царевна-невеста!
А с ней пусть приходят учить и крестить —
Закваска для русьского теста.

Добрынич, к царям собирайся послом;
Рулав пусть сбирается тоже.
Мы силой, а ты при дворе языком
Смышляй, для Руси что пригоже!»

Ушли, и остался Владимир один,
Лишь ветер листвою играет...
Могучий, бессчетных племен господин,
Над думой бессильно вздыхает...

Знакомой дорогой не трудно идти;
Пожар ли, кочевник, иль в битву, —
То было не раз, там знакомы пути,
А тут: проповедуй молитву...

Не верь, как отцы, а по-новому верь!
Что свычно от дедов — отвыкни!
Как мерил веками — теперь уж не мерь!
И в Бога по-новому вникни!..

10. «СОМНЕНИЯ»

Под вечер как-то, в ту ж седмицу,
Когда отплыл Добрынич в путь,
К Рогнеде ласковой в светлицу
Зашел Владимир отдохнуть.

Среди обыденной беседы,
Среди вопросов, детских дел,
Спросил Владимир у Рогнеды,
Как будто мненье знать хотел:

«Ну что ж, голубка, что, воркунья,
Подходят новые года?
Что скажешь ты, моя колдунья,
Крещение принять когда?»

И вдруг Рогнеде страшно стало,
Судьбы не зная впереди,
Прильнувши к мужу, зашептала:
«Еще немного погоди»...

Когда ж покинул князь светлицы,
А на дворе стояла ночь,
В окно, на дальние зарницы,
Уставилась Рогвольда дочь.

Щекой прижалась к переплету,
С плеча повисла вниз коса....
Не ждать ли новую заботу? —
В глазах тревога и роса...

А за окошком ночь витала;
Зарниц таинственный сполох,
По крыше ведьма постучала,
Раздался домового вздох...

Звезда скатилась, как слезинка,
Донесся водяного крик,
Луны всходила половинка,
Залаял в поле полевик...

Прошелся ветер вдоль по саду,
С листочком каждым пошептал,
И, перепрыгнув за ограду,
Он в темноте густой пропал...

Кусты чернели, как ступени,
Горбатый дуб к земле склонен...
Перед березкой на колени
Становится влюбленный клен...

Довольно! Прочь! Сокройтесь, тени!
Тряхнувши гордо головой,
Рогнеда заспешила в сени,
Где был в углу сундук резной.

Достала древние рунины, —
По длинной косточке резьба;
Пред нею выплывут картины —
Её грядущая судьба...

Рогнеда села. Светят свечи,
В руках рунины... Ворожит...
Склонилась... Заходили плечи,
Она рыдает и дрожит...

Порою слезы так бессильны,
Полны безвыходной тоски,
От безутешности обильны,
В них горя первые ростки...

А на дворе светлели дали!
Затихли стоны упыря,
Поля и лес росой дышали, —
Из тьмы неслась на Русь заря!

КРЕЩЕНИЕ

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА К ШЕСТОЙ ЧАСТИ.

Отдельные детали в «Рассказе Десницы», которые на первый взгляд кажутся фантастическими, как например: стрела с посланием Анастаса, глазная болезнь князя Владимира в Корсуне и другие, на самом деле соответствуют историческому описанию похода князя Владимира на Корсунь. Также несколько необычно для суровых нравов того времени, но исторически верно то, что после крещения князь Владимир «дал свободу» своим «воженым», т. е. законным, женам и разрешил им выйти замуж «за любого дружинника».

Ответ Рогнеды, полный той же гордости, как и ее первый ответ Владимиру за десять лет до этого, еще из Полоцка, исторически верен, как и то, что Рогнеда ушла в монастырь, приняв при пострижении имя Анастасии.

Свержение Перуна и крещение киевлян вполне в согласии с историческим описанием. Сцена «На Рынке» навеяна описанием крещения новгородцев, сделанным в Четьи Минеи в жизнеописании Св. Князя Владимира.

Непосредственно после крещения киевлян князь Владимир распорядился обучать грамоте сыновей «лучших людей». История отмечает, что это вызвало недовольство среди матерей этих юношей.

1. «ДЕСНИЦА-ВЕСТНИК»

УТОМИЛИСЬ кони,
Проскакавши день.
На холме, на склоне —
Срубы и плетень.
В'ехали устало:
«На ночь приюти!»
«Нам гостей послало!
Долго ли в пути?»
Кони отдыхают
И жуют овес.
У ограды лает
Добродушно пес.
В горнице — лучины,
Тесно, тусклый свет.
За столом детины, —
Каша на обед.
Кушают, устали,
Рады отдохнуть,
Много проскакали,
Завтра снова в путь.
Дед сидит с гостями,
Но молчит пока.
Крупными ломтями
Режет хлеб сноха.
На гостей нечастых,
Гладя шелк усов,
Двое коренастых
Смотрят молодцов.

У печи хозяйка
    С дочерьми шумят.
Прибежала стайка
    Бойких пострелят.

«Бородаты лица», —
    Вдруг старик сказал —
«Но тебя, Десница,
    Сразу я признал!»

Мнет у подбородка
    Внучка две косы...
Улыбнулся кротко
    Молодец в усы...

«Ты зимою прошлой
    Побывал у нас» —
Дед продолжил дошлый,
    Щуря левый глаз. —

«Где, орлы, летали,
    У каких морей?
И в какие дали
    Гоните коней?»

Сел прямей Десница
    Взглядом поискал...
Внученька-девица,
    Щеки жар обдал?!

«Верно, дед, не спорю» —
    Парень загудел —
«Мы ходили к морю,
    Чудных много дел!

Мы-то новгородцы —
    Весть везем домой —
Вырыл князь колодцы
    С новою водой!

За обед, хозяйка,
    До земли поклон;
А для деда — дай-ка
    Расскажу я сон!

Сон, аль может были, —
    Сам, старик, смекай!
Сон, как мы ходили
    С князем в дальний край!

Да про Киев стольный,
    Да про княжью рать,
Да как Корсунь вольный
    Шли мы воевать!»

Раздались ресницы
    В девичьих глазах...
Льется сказ Десницы
    В Клязьменских лесах...

РАССКАЗ ДЕСНИЦЫ

«Как белые птицы,
Как птичьи станицы,
Что в небо летят поутру,
Как по небу тучи, по глади водицы
Скользили ладьи по Днепру.

А по полю кони,
На всадниках брони,
Дозоры уходят вперед,
От пыли и солнце восходит в попоне —
То Киев на Корсунь идет!

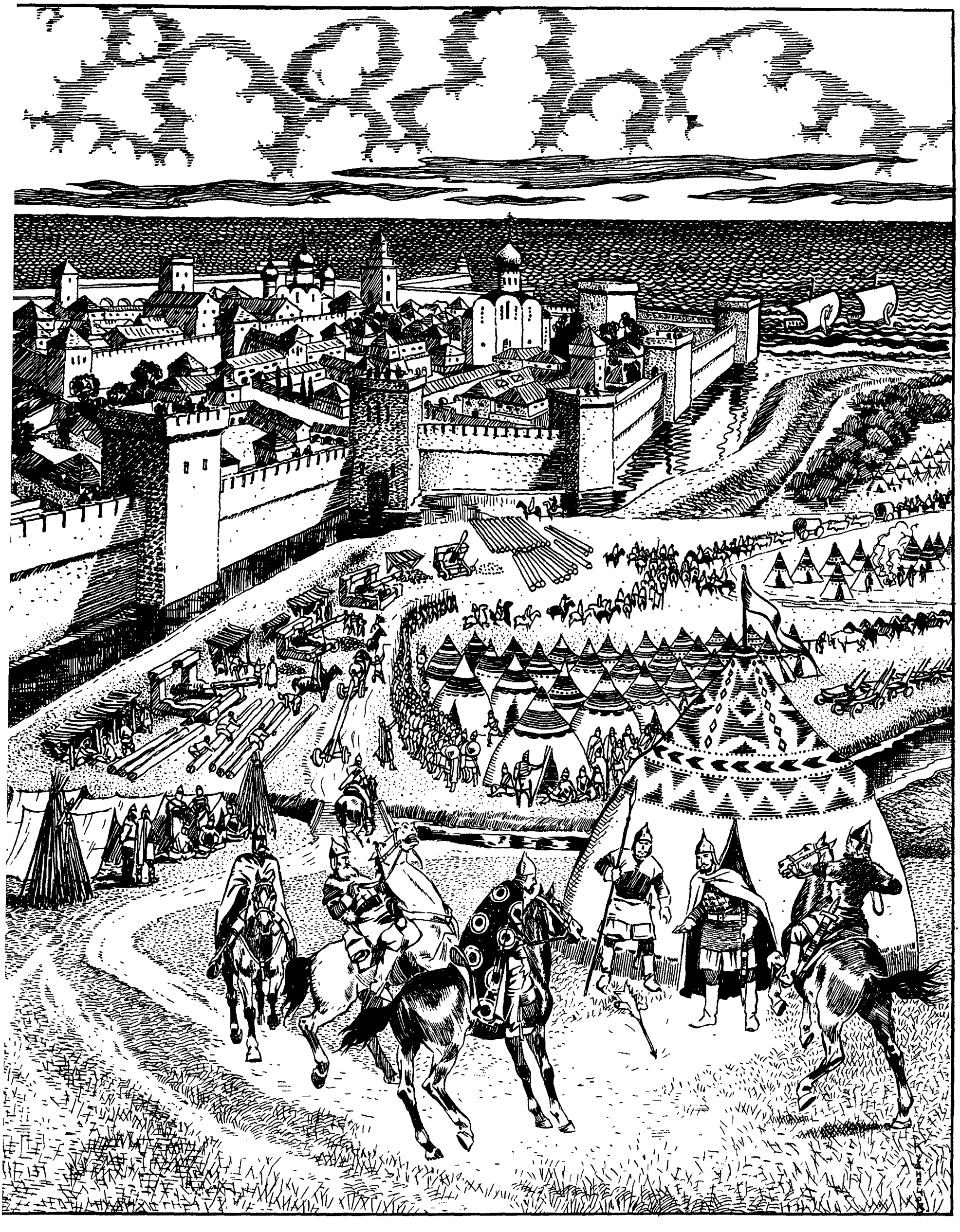
Из камня толстенны
У Корсуня стены,
У башен — зубастый оскал.
А около море белеет от пены,
Шумя и вскипая у скал.

Мы город обсели.
Проходят недели,
Мы строили вал земляной,
И стрелы со стен и на стены летели,
И стычки шумели порой...

Раз поутру рано
У княжьего стана,
Как посланный с неба привет,
Упала нежданно стрела из тумана
И присланный с нею совет:

«Лежат на востоке
Водицы истоки,
Найдете — так сломите нас!
Копайте! А ямы да будут глубоки!
И князю поклон. Анастас.»

Безводность пустыни
Настала в твердыне,
Как только мы трубы нашли!
И сдались корсунцы и помнят доныне,
Как с князем мы в город вошли!

Раз поутру рано
У княжьего стана...

Из пленного града
Царям Цареграда
Послали от князя наказ —
«Мы ждем, что прибудет царевна-отрада,
Не то — разорим мы и вас!»

А князь и дружина —
То воля едина!
Задумали, видно, давно
У греков креститься во Божьего Сына...
То было и нам суждено.

Но мы-то довольны:
Наш Новгород вольный
Давно уж слыхал про Христа,
А наши Перуны насмешек достойны,
Их гости не чтят неспроста.

Цари торговались,
Но вот мы дождались,
И в Корсунь пришли корабли.
Царьградские стяги на них развевались.
Царевну они привезли!

Забывши печали,
Корсунцы кричали,
И радость разлилась вокруг...
У князя ж в ту пору глаза захворали —
Нежданно подкрался недуг.

Но вот он крестился,
Христу помолился,
И в Корсуне чудо сбылось —
От хвори неведомой князь исцелился.
«То Богу хвала!» — понеслось...

Лишь чудо свершилось,
Дружина крестилась,
От греков принявши обряд,
Царевна же Анна со князем «водилась» —
Венчалась на греческий лад!

... Царевна же Анна со князем «водилась» —
Венчалась на греческий лад!..

Богата долина!
        Корсунские вина
Лились из кувшинов рекой.
Мы пили во славу свого господина,
Во здравье княгини младой!..

Но вера Христова
        Правдива, сурова
И строгостью правил сильна;
Любви и добру поучает — нет слова,
Но жёны — лишь только одна!

И мы пировали,
        А вдаль поскакали
От князя гонцы ко Днепру.
Княгиням о милости князя сказали —
Он волю им дал по добру!

И вот мы недавно
        Закончили славно
Великий Корсунский поход...
А служим Владимиру-князю исправно —
Не первый уж, кажется, год!

Отправил он ныне
        Нас к дяде-Добрыне,
На нашу родную Ловать, —
Ему о крещенье, об Анне, о сыне,
Как было, — про все рассказать...

Крестя, нас купали
        И имя давали:
Василием стал господин,
Меня же, Десницу, Иваном прозвали,
Добрынич — теперь Константин...»

Слушают ребята,
    Приоткрывши рты,
В головах богато
    Разлились мечты...

Сердце прижимает
    Внученька рукой,
Только дед качает
    Горько головой...

На заре Десница
    Умывал лицо,
С ручником девица
    Вышла на крыльцо.

«Слушай, дед усатый,
    Нынче надо в путь,
Но приедут сваты —
    То не позабудь!

Люба голубица —
    Внученька твоя»,
Так шептал Десница,
    Мыслей не тая.

Кони ускакали.
    Высохла роса.
Смотрят, смотрят в дали
    Карие глаза...

2. «ПИСЬМО РОГНЕДЫ»

«Сегодня на отдых, а завтра опять
Отправимся в путь недалекий.
Немного теперь нам осталось скакать;
Уж близок мой Киев высокий...»

«Гонец от Рогнеды!? Впустите его!
От бывшей великой княгини»...
И голоса князь не узнал своего,
А лес посерел темносиний...

Владимир послание взял от гонца,
Сказав: «Константин прочитает!» —
И смотрит, опершись о выступ крыльца,
Как солнце за лес уплывает...

«Владимир! Ты часто меня оскорблял...
От первого дня нашей встречи
Вставали меж нами и кровь, и кинжал,
И злые ненужные речи...

Владимир! Но злее того, что принес
Дружинник сегодня с рассветом,
Не помню, не знаю, и нет уже слез,
Чтоб плакать над горьким приветом...

Владимир! Супруг мой, пресветлый орел,
Ты люб мне, как солнце златое,
Как пчелам цветок, что средь леса расцвел,
Как лебедю лоно речное...

Как месяц для ночи, ты был для меня,
Как небо для птиц быстрокрылых,
Как свежесть грозы среди жаркого дня,
Как песня для мыслей унылых...

Но прибыла, видно, беда на постой;
Колюча, как жало, как хвоя...
Я стала вдовою, — а муж мой живой?!
Жена ли, невеста ли — кто я?

Владимир! Но старшей была я женой!
Была я Великой Княгиней!..
Твоей не приемлю я милости злой —
Не стану ничьей я рабыней *)!

Вла́димир! Узнай, что ты раньше не знал,
Возрадуйся, княже Василий!
Давно крещена я! Господь мне послал
Свою благодать без насилий!

За тя, мое ладо, уж несколько лет
Молю я единого Бога,
Чтоб правды Христовой божественный свет
У княжьего вспыхнул чертога...

Но если б не это, не вера в Христа...
О, где вы, варяжские боги?!
Где месть, что в славянских заветах свята,
Где Один, где Велес, где Логи!?

---

*) **Ответ Рогнеды, согласно историческому повествованию.**

Я их призвала бы к себе на совет,
Сожгла бы им жертву в угоду.
Тебе отомстить я дала бы обет!
И Анне, и Аннину роду!

Напал чтобы мор на коней, на стада,
Погнил чтобы хлеб по амбарам,
Чтоб в тереме княжьем — и хворь, и беда,
Чтоб не было счета пожарам...

И враг на тебя налетел бы степной,
И княжья дружина чтоб пала!
Чтоб плена позор над твоей головой!
Душа чтоб покоя не знала...

Но я христианка... Прости нам, Господь,
Рабам твоим злобные страсти.
Смири мне и дух мой, смири мне и плоть,
И князя спаси от напасти.

И в поле победой ему помоги,
И мудрости дай на княженье,
Чтоб слава росла, чтоб страшились враги...
А мне ниспошли всетерпенье...

От бесов, Господь, сбереги, помоги,
Опутали сердце, как змеи...
О, если б мне крылья, о, если б клыки!
О ведьмы, жрецы, чародеи!

Я с ветром послала бы свадебный дар —
В постель ароматные травы!
Душил чтобы князя с княгиней угар
И воздух чтоб полон отравы!

Княгине соткала б сама полотно, —
Чтоб язвы по телу желанной!
Послала б в подарок с наветом вино
Для князя с княгинею Анной!

Волхвы помогли бы! На тя, славянин,
Варягов звала б на подмогу!
Седло отравила б тебе, господин —
Проказой чтоб гнил понемногу!

Ореховый вар, из кореньев настой,
Грибная приправа к обеду,
Варенье из ягод и тины морской...
Узнал бы княгиню Рогнеду!

Но я христианка! Прости меня, Бог,
За злобу в безумном укоре.
Прошу только сил, чтобы дух превозмог
Мое безутешное горе!

Иные, Владимир, пришли времена:
Не будет резных истуканов...
И в море славянском варягов волна
Пропала, как зверь средь курганов!

Владимир, я знаю, ты прав, ты умен,
Ты сердцем велик, мое ладо.
И много с тобою славянских племен,
И к Богу приводишь ты стадо...

Почто меня бросил, скажи господин?!
Ни сна, ни надежды отныне...
Гречанка милее тебе властелин?!
О детях подумай, о сыне!

О, если бы прошлого времени час,
И зверь, что во мне, — да на волю!!!
Но я христианка!.. Господь среди нас!
То Он уготовал мне долю...

Господь наставляет. Уйду в монастырь.
Не буду ничьей я рабою!
Там стану молиться за тя, богатырь,
И черной закроюсь фатою...

Господь милосердный да будет с тобой.
И сердце, и мысли, и руки
Да следуют Господа воле святой...
Пусть счастливы дети и внуки...

Была я княгиней; теперь у икон —
Лампады, кадило, смиренье...
Господь лишь услышит мой сдавленный стон,
Утешусь в горячем моленье...

Забудь меня, князь, и прости, не гневись
За то, что услышал сегодня.
А вспомнишь — за горе мое помолись,
И в помощь ти — Матерь Господня!

Мы оба Христовы, мы новы, мой князь,
Нам новое послано зренье!
Ушли себялюбье и гордости грязь.
Закон наш: любовь и прощенье...

Кончаю, мой сокол, здоров будь и смел;
Не бойся ни зверя, ни плена!
За каждый твой шаг и за каждый удел
Молюсь, преклонивши колена...

Рогнеду забудь... Пусть дорогой прямой
Ведет тя Господня десница...
За тя день и ночь, у иконы святой,
Стоит Анастасья-черница.»

Вечернее солнце ушло за леса...
Заря за рекой догорает...
У князя в усы за слезою слеза,
Как в час похоронный, сбегает...

3. «СВЕРЖЕНЬЕ ПЕРУНА»

Вздыбился конь, грозит копытом,
На месте скачет и храпит,
И в этом трепете сердитом
Обиды горечь говорит.

К хвосту пушистому привязан
Узлами крепкими аркан,
И гордый конь теперь обязан
Тащить тяжелый истукан!?

Перуна лихо повалили
Петлей, как валят рослый клён,
И палками потом побили,
Чтоб дьявол в нем был посрамлён.

И вот к хвосту привязан идол;
По Боричеву на ручей
Рванулся конь. Обиды придал
И кнут, и громкий смех людей.

Бегут, хохочут, машут палки,
Грохочет грозный истукан...
«Как испугаются русалки,
Когда Перун им будет дан!»

«Лупи его! Толкай в болото!»...
И только Волин, рот открыв,
Хотел бы, видно, крикнуть что-то,
Стоит, окаменев, застыв...

Спихнули с берега ногами,
И вот плывет Перун Днепром,
Из волн, крутясь, грозит рогами,
Суля грозу, и град, и гром...

Но к Волину вернулась сила,
И хриплый голос старика
Заухал, как удары била,
Взметнулась с посохом рука:

... Глава рогатая мотнула,
Как будто знак согласья дан?!

«Перун, куда? Останься с нами!
Не уплывай, не уплывай!
Ты всех сильней! Явись громами!
Перуне боже, выдыбай!!»

И к Волину примкнули трое,
Потом еще, орут: «Спасай!»
Бегут по берегу без строя,
Кричат: «Перуне, выдыбай!!»

И будто внял, волна плеснула,
Остановился истукан;
Глава рогатая мотнула,
Как будто знак согласья дан?!

Бегут откуда-то с сетями
И входят в воду: — «Выдыбай!»...
Но вот дружинники жердями
Столкнули в стрежень: «Не замай!!»

И волны понесли крутые...
Резной громовый господин
Бросал владенья вековые
И утопал в Днепре один...

4. «КРЕЩЕНИЕ КИЕВЛЯН»

Шумят киевляне, спускаясь к воде:
«Не хочешь? Попробуй, скажи-ка!
Отворишь ворота нежданной беде,
Придут — не оставят и лыка»...

«Сказали вчера, будто князь повелел,
А кто не придет на крещенье, —
Тот князю не друг. Ну, а кто же так смел,
Чтоб княжье навлечь опаленье?»

Идут киевляне: «Чего ж не пойти?
Посмотрим, как крестят водицей...
Спасенье, сказали, там можно найти,
А Бог-то у греков трехлицый?!

Спускаются люди и шепчут порой:
«И князь уж крещен, и дружина,
И нас пусть сегодня окрестят водой,
Раз воля на то господина!»

Орут киевляне, и дерзки слова:
«Перуну вовек не изменим!
Пускай отлетает от плеч голова,
Мы пращуров веру не сменим!»

Спускаются люди — на праздник идут,
Обуты в цветные сафьяны;
«Мы с князем всегда, мы со князем и тут».
Платки, кушаки, сарафаны...

Спешат киевляне: «Настал, наконец,
Настал этот день долгожданный!
Преславный Владимир, наш князь и отец,
Ведет нас ко правде желанной!»

Идут киевляне и крепко молчат:
«Что ждет впереди — угадай-ка!»
Идут из дворов, теремов и палат,
И полнится людом лужайка...

... И радостно князю на реку взглянуть...

И князь и дружина уже на лугу,
И греки поют песнопенье,
И Волин-старик, хоть скрутило в дугу,
Пришел посмотреть на крещенье.

Вот князь повернулся и громко сказал:
«Креститесь в Христа, киевляне!
В Того, Кто к любви, к милосердью призвал,
И будем мы в праведном стане!»

И подали знак. Боязливо вошли
Мужчины и женщины в воду.
Священники длинные свечи зажгли,
Читая молитвы народу.

Стояли по пояс, а дальше по грудь,
Держали детей над водою...
И радостно князю на реку взглянуть,
Он счастлив сегодня судьбою.

И радость свою от других не тая,
Молился Владимир-Василий:
«Воззри, Милосердный, на люди Своя,
Явись им во правде и силе!

Подай им, о Боже, познати Тебя,
Как страны другие познали,
В них веру всели, чтобы жили любя,
Чтоб славить Тебя не престали!

Спаси от врагов!..» — Так Владимир молил,
Молились в реке киевляне,
А Днепр будто слушал — как заводь застыл,
И голубь кружился в тумане...

5. «НА РЫНКЕ»

Горшки, ножи, хлеба и ткани,
Корзины, птица — все в обмен...
И зов, и торг, и крики брани
На главном торжище у стен.

Тут рыбный ряд — дары Днепровы;
Колеса, косы, жернова,
Сметана, сбруя и подковы,
Грибы, лечебная трава...

У самых стен толпа стояла;
Приплывший гость глаголал там
О том, какая жизнь настала,
Как нынче плылось по рекам:

«Пречудно было в Новограде,
Когда Перуна волокли, —
В нем бес кричал пощады ради,
Унять хотели — не могли.

Перуна палицами били,
К реке влекли, чтоб утопить,
А бесы громко выли, выли
И начали людей корить:

«Увы, людей неверных много,
Вчера с мольбой ко мне текли
И почитаху аки Бога
И кланяхуся до земли *)...

Увы, я внидех в руци злые,
И время страшное наста» *)...
Но тут дружинники младые
Перуна свергли вниз с моста!

*) Взято из славянского текста.

И погрязе Перун в глубины,
А Волхов пеною вскипел,
А на мосту грозят дубины,
Народ гудел, шумел, свистел...

А некие по нем жалели —
Безумные в народе суть.
А тот лежит, как на постели,
Средь волн видны рога и грудь...

И вдруг поплыл, да против тока,
Да все к мосту, к мосту, на мост!
Залез на мост в мгновенье ока
И выпрямился во весь рост!..

Потом похитил он дубину
И стал разить, да только тех,
Кто перед ним сгибали спину
И кто жалел его, на грех.

Перун громил, как в битве всадник,
И многих, многих он побил;
Погиб и Угоняй-посадник,
И жрец Перунов — Богумил...

Потом взреве и прыгну в воду
И, аки млат, пойде ко дну.
И стало радостно народу,
И повторяли: Ну-да-ну!»

Рассказчику толпа внимала —
Он знает сказку не одну!
Смеялась, ахала, вздыхала
И повторяла: «Ну-да-ну!»

Но вдруг послышались рыданья,
Глухие вопли, бабий плач;
И все пошли на причитанья,
А дети побежали вскачь...

У женщин двух безмерно горя
И голосят: «Кума, кума!»
Друг дружке причитают, вторя:
«Уж лучше рабство иль чума!»

«За что? За что на нас опала?
Отец в дружине столько лет!
Детей я ладных воспитала,
Уж лучше б не родить на свет!

От князя вышло повеленье,
Чтоб грамоте сынов учить!
Моих сынов?! За что мученье?
Уж лучше б им совсем не жить!

За что же князь на нас серчает
И в чем находит он вину?»
А люди головой качают
И повторяют: «Ну-да-ну!»...

ПИР У КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА К СЕДЬМОЙ ЧАСТИ.

В народной памяти остались пиры, которые задавал в Киеве князь Владимир — «Красное Солнышко».

Однако, историки высказывают мысль, что пиры эти были скорее с'ездами представителей отдельных племен и городов, стекавшихся с разных сторон молодого государства. С'езды эти имели значение об'единяющее и зажигали в людях идею государственности, внедряя любовь к большой своей родине и братьям своим, живущим вокруг.

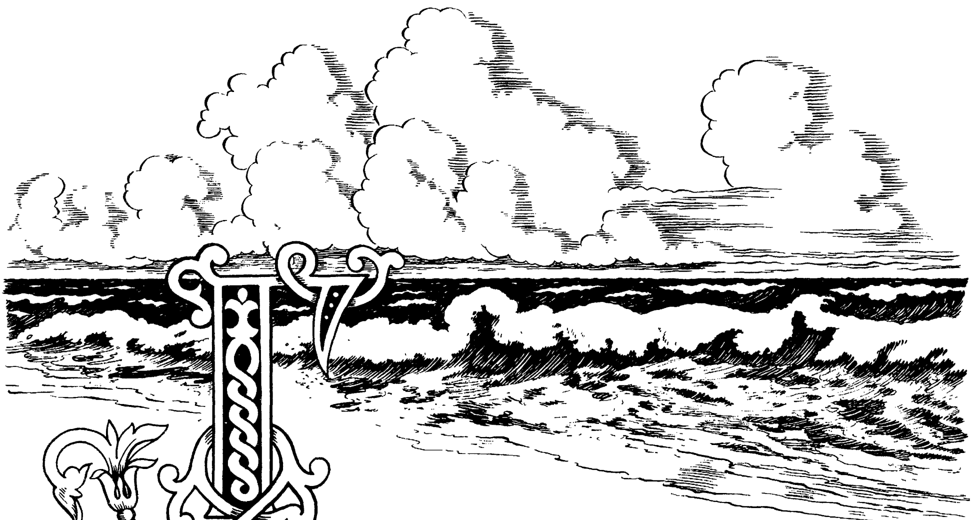
История называет имена двенадцати сыновей князя Владимира в том порядке старшинства, как они перечислены в главе второй этой части поэмы.

В главе пятой передана древняя легенда. Заимствована она из рассказа педагога и историка Е. А. Елачича. Этот рассказ вошел, под названием «Сильные Духом», в сборник его произведений, изданный в Белграде в 1930 году. В нем Е. А. Елачич в точности воспроизводит легенду — сказание, которое он слышал из уст местных жителей в низовьях Дуная в начале нашего века.

Перекладывая это сказание в стихотворную форму, автор считал необходимым передать точный смысл и точные фразы разговора между славянами и римским императором, а также передать возможно правильнее дух этой легенды и смысл того, что запечатлелось в памяти наших предков-славян.

Сон князя Владимира говорит о событиях, которые произошли на Руси почти сразу после смерти его и потом черным горем возвращались на Русь в виде набегов степняков, татарского ига и т. д.

1. «ГОДА БЕГУТ...»

ГОДА бегут, как волны в море,
Как после бури облака,
Пройдя, теряются в просторе,
Как меж страниц одна строка...

Но так бывает, что страница
Иль просто яркая строка
Блеснет, как в темноте зарница,
И в памяти людской — века.

Бывает так, что век проходит,
Уйдет — и потерялся след;
И каждый год на год походит,
И разницы как будто нет.

Тысячелетья пробежали,
Растаяли, как снег весной,
Но вот явились в мир Скрижали,
И стал меняться род людской!

И год, когда во тьме пещеры
Младенец был рожден на свет,
Для новой веры, новой эры, —
Запомнился до наших лет!

Так год, когда в волнах Днепровых
Крестил Владимир свой народ,
Дошел до дней моих суровых,
Как наш благословенный год!

А дальше побежали годы,
Как будни после именин...
Бывали разные погоды,
И враг являлся не один!

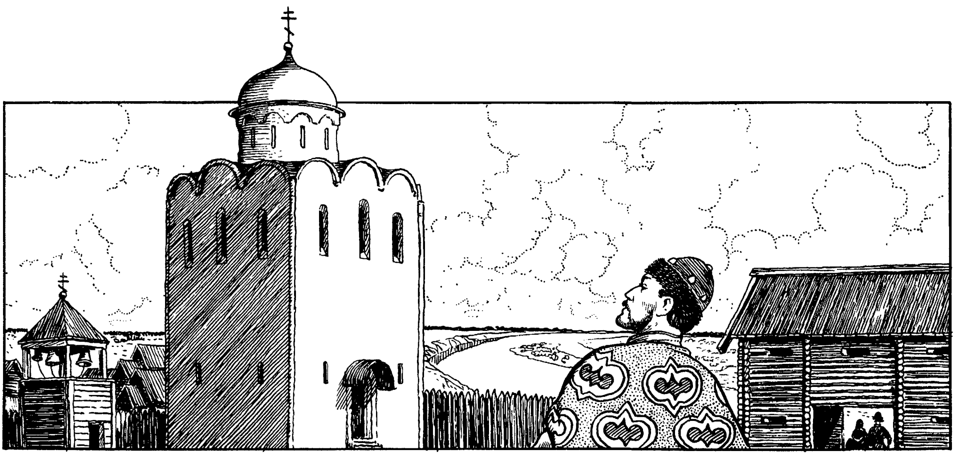
Но не теряла Русь дороги,
Хотя порой валилась с ног.
Прошла овраги и пороги,
Пройдет и нынешний порог!..

Тогда ж, в те годы золотые,
В период юности своей,
Растила Русь дубки младые,
И пировалось славно в ней!

Двенадцать лет, как нет Рогнеды, —
Ушла от жизни в монастырь.
Крепит страну, дарит победы
Руси подросшей поводырь...

На месте, где превозносили
Перуна предки столько лет,
Вознесся храм «Святой Василий»,
И к прежним дням возврата нет!

А там, где Федор с сыном пали, —
Белел высокий, стройный храм,
На куполах кресты блистали,
И грамоте учили там.

Владимир отдал десятину
На этот храм казны своей,
Привез на площадь на средину
Корсунских медных двух коней...

И вот на пир во Киев славный
Созвал Владимир сыновей.
И пир ли то, иль смотр державный
Замыслил он стране своей?!

2. «СЫНОВЬЯ»

Встречали князя Вышеслава.
Он старшим был средь сыновей.
Скончалась мать его Олава
Давно. Он мало знал о ней.

Он княжил в Новгороде дальнем,
Посадником был Константин.
Усталый, хворый и печальный
Князь Вышеслав приплыл один.

Потом встречали Изяслава
Из дальних Полоцких земель.
Тот был совсем иного нрава,
Любил охоту, игры, хмель...

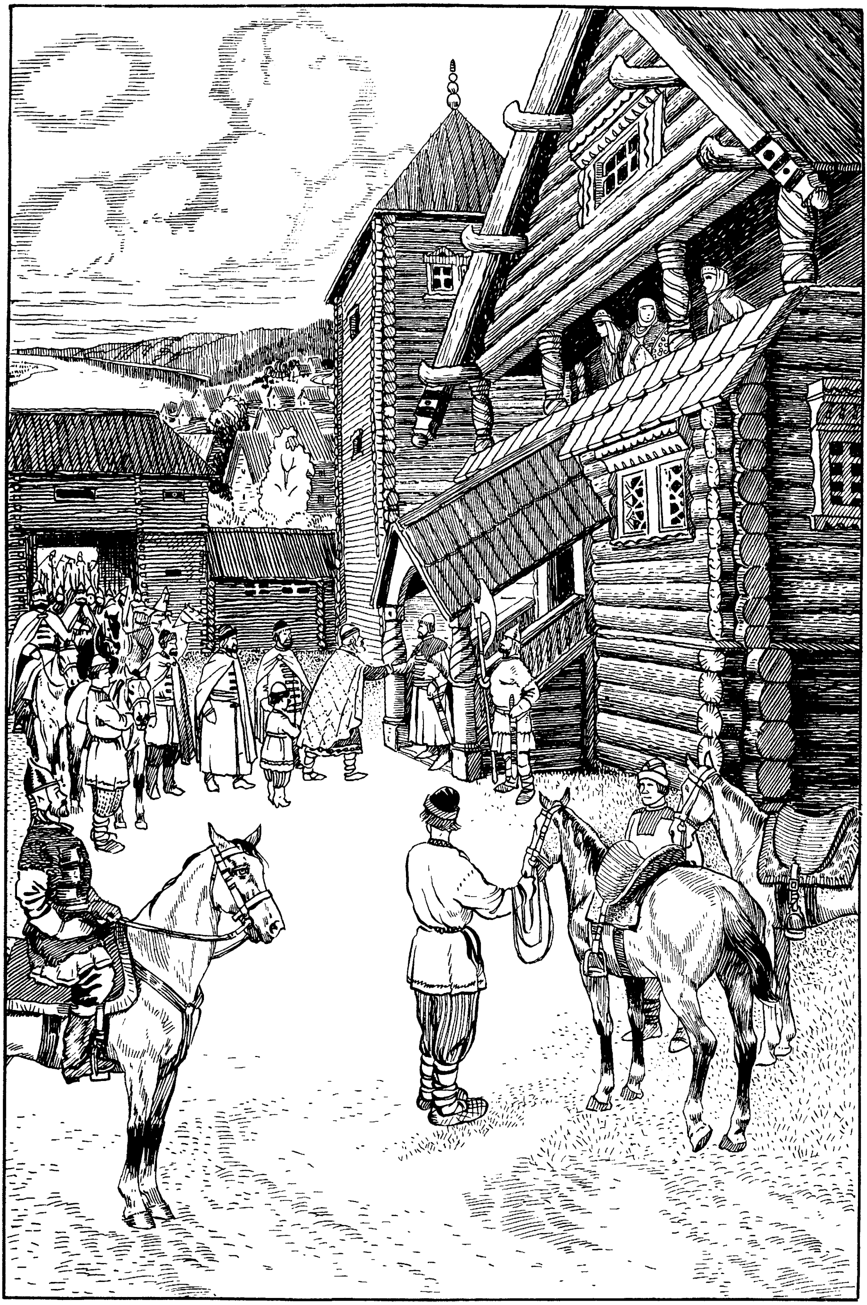
Затем из Турова с друзьями,
С женой приехал Святополк.
К Владимиру пришел с дарами,
На братьев же смотрел, как волк.

Приехал Ярослав с Ростова;
«Хромец, но мудр», молва текла.
Он горд. Его боятся слова.
Отца ж к нему душа влекла.

Сестру любимую Предславу
Надумал он с собою взять.
Что дочь прибудет на забаву,
Владимир счастлив был узнать.

Любил Владимир с ней беседы,
Любил он нежно эту дочь,
Коса ее, как у Рогнеды,
Порой с плеча сползала прочь...

Приехал Святослав Древлянский;
Удел ему недальний дан.
За ним Мстислав Тьмутараканскай —
Дородный, сильный великан.

Приехал Ярослав с Ростова;
«Хромец, но мудр», молва текла.

Приехал Всеволод Волынский,
Из Пскова Судислав приплыл,
С обозом Станислав Смолинский,
А Позвизд в Киеве уж был.

С отцом, пока что без удела,
Был стройный отрок — князь Борис.
Послушен, кроток, любит дело,
Красив, как юный кипарис.

Последний сын — еще ребенок,
Ему еще не до пиров,
Малютка Глеб был нежен, тонок,
Играл и ползал средь ковров.

3. «С'ЕЗД»

С князьями прибыли дружины,
Бояре и торговый люд, —
Повозки, топот лошадиный...
Смеются, хвастают, поют...

На торжище задорный хохот, —
Там пляшет на цепи медведь,
Удары в бубен, звон и грохот,
И люд спешит туда смотреть...

У стен устроились калики —
Поют и сказы говорят,
А в круглой клетке филин дикий
Пугает маленьких ребят...

У пристаней народ толпится;
Товары, шум, идет обмен, —
Меха, кольчуги, мед и птица,
Железо, репа, деготь, хрен...

На торжище задорный хохот...

4. «П И Р»

Но вот и праздник долгожданный,
И все на княжий двор спешат.
Народ на пир стекался званный
И славил князя и княжат.

И собралось без счета люда;
Без счета скамей и столов, —
Ковши, братины, миски, блюда,
Литая медь, рога волов...

И тут же пламя, дым полыни,
Большой дугой горит костер.
Пекут на нем бычков с Волыни,
Овец с тьмутараканских гор...

И загудел морским прибоем
Широкий русский пир хмельной;
То крик, как войско перед боем,
То песня проплывет волной...

Вскипает пиво, льется брага,
Пустеют бочки южных вин;
В сердцах рождается отвага
От меда северных долин...

Бессменно гусляры играют
И славят князя и княжат;
И влагу в чаши доливают
И яства пробуют подряд...

Смелее речь, задорней лица,
Тяжелых кубков громче звон...
Вот вылетел плясун, как птица,
Ладоней плеск со всех сторон...

Владимир вместе с сыновьями
Воссел семьей за стол большой
И пил с «удельными князьями»
Не первый кубок круговой.

Не раз серебряные чаши
Он слал друзьям — испить и в дар.
Звучали речи громче, краше,
И наползал хмельной угар...

Веселье вилось и бурлило,
Как будто тут, на этот двор
Сошло небесное светило
И разожгло в сердцах задор!

Ходили сами в пляске ноги,
У всех лихой, орлиный вид.
Так Днепр, бурля, крушит пороги,
Хохочет, прыгает, свистит...

Но вот слабей прибоя звуки,
И тише говора волна.
Владимир встал и поднял руки,
И водворилась тишина:

«Здоровы были б, братья, други,
И был бы всюду с вами Бог!
Текла бы наша жизнь без туги,
И враг бы нас сломить не мог!

А недругов везде немало!
Коль вместе мы — не страшен враг.
У роя пчел смертельно жало,
Сильны не пальцы, а кулак!

Нас много, братья! Мы на море,
У нас и горы, и поля,
Мы на Дунае, на Печоре —
Везде славянская земля!

Сегодня с нами птичья стая,
Ее нам ветер подарил.
То соколы с реки Дуная —
Певец Душан и внук Гаврил.

Они для нас споют былины.»
Закончил князь, а встал Душан;
Седой, худой, как ствол осины,
Высок, спокоен, как курган.

«Он слеп, он слеп», катился шёпот,
Как горсть зерна, упав на стол;
Затих, как в поле дальний топот;
Душан, держась за внука, шел.

Душан скользнул по гуслям звонким,
Взлетел от них певучий звук,
И голосом, по-детски тонким,
Запел с Душаном мальчик-внук.

5. «ПЕСНЯ ДУШАНА»

«Серокрылый сокол, серокрылый сокол,
Подымись высоко, — прямо в облака.
Ясными очами, серокрылый сокол,
Поищи далеко, где Дунай-река.

Серокрылый сокол, поищи очами
Вдаль под берегами, нет ли где врага.
Сокол серокрылый, поплыви кругами,
Охраняй веками наши берега.

Вольные мы птицы, сокол серокрылый!
Прадедов могилы по реке Дунай...
Кровь огнем струится, прожигает жилы,
Если вражьи силы наш тревожат край!..

Помнишь ли ты, сокол, помнишь ли как было?
Царь могучий Рима, гордый Ариан,
Пировал во славу; войско победило
И царя пленило Адакадских стран.

Весело играют арфы золотые,
Средь гостей почетных пленный Гелихон,
Осушают чаши гости дорогие,
Ариана славят все со всех сторон.

Всех царей и шахов, королей, султанов
Близких и далеких и заморских стран,
Всех земель народы, всех князей и ханов
Покорил всесильный, мудрый Ариан.

Пир вокруг веселый; сыновья пустыни —
Плясуны нубийцы пронеслись, как рой;
А потом персидки — статные рабыни,
А за ними баски, эфиопов строй...

Но приподнял кубок царь могучий Рима, —
Всё окаменело, всюду тишина!
Только из курильниц вьются струи дыма,
Ароматов сладких стелется волна.

«Все ль народы мира, всё ль нам покорилось?
Отвечайте смело», — Ариан сказал.
«Может, племя диких где-нибудь сокрылось,
И про них доныне я и не слыхал?»

Все цари и шахи, короли, султаны —
Все встают с поклоном: «Нет племен таких!
Все тебе покорны!» Все князья и ханы:
«Было б племя диких — знали бы про них!»

Ариан доволен: «Все нам покорились!»
Чашу золотую осушает он.
Все уже поднялись, все уж поклонились,
Только не поднялся пленный Гелихон.

Но без злобы в сердце, с милостью, по-царски
Ариан промолвил, опершись на трон:
«Что же ты ответишь, пленник Адакадский,
Новый наш советник, друг мой Гелихон?»

«Не гневись, владыко! Не ищи в ответе
Дерзости строптивой — это не обман», —
Отвечает пленник, — «но живут на свете,
За Дунай-рекою, племена славян!

С ними я сражался — грозные то сечи!
Братья в битвах пали, ранен был и я,
Покорить их в рабство — не было и речи:
Победить их можно, покорить нельзя!» *)

Снова носят слуги яства меж столами,
Снова чаши полны икмарийских вин,
Стройные плясуньи вьются мотыльками,
И приветлив снова Рима господин.

Мало кто заметил, что тревожней очи,
Что перста движеньем позван Врелиан,
Полководец славный, что до поздней ночи
С ним беседой тихой занят Ариан.

Серокрылый сокол, помнишь — по Дунаю
Ветры гнали стаю грузных кораблей,
Пыль клубилась в поле без конца и краю,
Двигались к Дунаю тысячи людей?

Помнишь, серокрылый, вспоминаешь, птица? —
Мутью шла водица, дымная заря,
Стан, как муравейник, как жестоки лица,
Рыщет колесница римского царя.

Вспоминаешь, сокол? — Все пришли народы:
Римские когорты — с ними Врелиан,
Галы, бриты, баски — с ними воеводы,
Гоги и магоги, много египтян.

---

*) Почти дословно из древней легенды.

На щитах узоры, ярко блещут брони,
Украшают шлемы, меч давно готов!
Копья, колесницы, боевые кони
И полсотни грозных боевых слонов...

В лес десяток смелых послан Арианом:
Чтоб найти живущих, чтоб найти славян,
Чтоб сказать безумным племенам-славянам,
Что покорность ныне примет Ариан.

Чтобы поклонились, чтоб несли бы биру,
Что покорным милость дарит Ариан.
А не то положат шеи под секиру,
А не то урок им будет грозный дан!

Прибыли из лесу очень скоро вести,
Что пришлют славяне завтра же послов.
Ариан доволен, он не хочет мести,
Он не хочет крови, но к войне готов.

На холме высоком он сидел на троне.
Появиться вскоре уж послы должны;
А вокруг — доспехи, копья, шлемы, кони,
Страшные верблюды, грозные слоны.

Трон блестит на солнце, веют опахала,
В золото курильниц фимиам кладут,
Царская когорта у подножья стала...
Вдруг пронесся шепот: «Вот они идут».

Светлая цепочка, витязи младые,
Вьется по тропинке, душ десятка два.
Белые рубахи, щит, мечи стальные...
Впереди их старец — посох, борода...

В них не видно злобы?! В них не видно страха?!
Так, как будто к дому к своему идут.
Всех богатств на старце — белая рубаха!..
Этих ли в покорность не повергнет кнут?

Царь смотрел и думал: «В чем тут скрыто чудо?
Что они за люди? Кто у них король?»...
Подошли славяне, старец принял блюдо,
Круглый хлеб на блюде, рядом с хлебом соль!

Ближе к трону старец подошел степенно,
Царским приближенным блюдо передал.
«Царь великий!» — молвил старец вдохновенно,
«Гость славянам в радость, гостя Бог послал!

Прибыли мы встретить гостя дорогого,
А дары земные — это дружбы знак.»
Слуги Ариана переводят слово
И трясутся в страхе, красные как мак.

«Хитрости Востока!» — Ариан решает.
«Живо расспросите: много ль их в лесу?
Велика земля ли? Кто их посылает?
Если переврете, — голову снесу!

А еще скажите: не пришел я в гости,
Я для них владыка, повелитель, царь!
Будут мне покорны — будут целы кости!
Хлеба мне не надо. Кто их государь?»

Усмехнулся старец, бороду сжимая.
«Нас не сосчитаешь!» — он сказал в ответ.
«Нас — как игл на ели, и земля большая,
На восток, на север — ей предела нет!

Вольны мы, как ветры, мы — как в небе тучи,
Нет у нас ни князя, ни владыки нет...
Не принять подарка — волен ты, могучий,
Но не гоже гостю, гостю то не след!»

Переводят слуги, в страхе запинаясь;
Ариан разгневан дерзостью такой.
Но, сдержавшись, молвил, к старцу обращаясь:
«Не лукавь, безумец, не лукавь, седой!

Отвечай мне правду: войско велико ли?
Положи оружье, да к себе ступай.
От племен славянских, близко ль, далеко ли,
Главарей и старост всех ко мне скликай!

Чтобы были в сборе здесь через седьмицу!
Посмотрю, покорны ль, данью обложу.
А не то распашем вашу мы землицу!
Я тебя с дружиной златом награжу».

Старец улыбнулся с жалостью во взоре,
С лаской посмотрел он и сказал потом:
«Не к добру идешь ты в этом странном споре;
Против нашей воли — хочешь быть врагом?

От гостей мы злата никогда не брали,
От врагов подавно злата не возьмем.
Край наш во владенье боги предкам дали,
И с тех пор поныне вольно мы живем.

Покорить нас силой — это невозможно:
Ига чужеземцев не снесет народ!
Отобрать оружье лишь у мертвых можно!
По добру ты лучше вороти поход».

«Замолчи, безумец! Дерзкий, как гиена!» —
Царь хрипел, как ворон, царь рычал, как лев. —
«Все чтобы немедля стали на колена!
Положить оружье!» — он кричал сквозь гнев.

Повернулся старец к юным воям белым
И спросил: «Согласны ль меч и щит отдать?
Кто приказ исполнит — тот вернется целым,
Но покорный должен на колена стать!»

Белые березки — витязи младые,
Что стояли смирно, будто тишь вокруг, —
Разом всколыхнулись, будто ветры злые
Из дубравы темной налетели вдруг.

... Всех богатств на старце — белая рубаха!..

Молния сверкнула — то мечи блеснули,
Разом обнажили, крикнув: «Никогда!»
Локоть к локтю стали и щиты сомкнули...
Рабство горше смерти! Мертвым нет стыда!

Сокол серокрылый, как враги завыли!
Как мечи рубили и взлетали вновь!
Как трещали шлемы! Ноги как скользили!
Копья как ломили! Как лилася кровь!

Серокрылый сокол, видывал ты грозы,
Видывал ты бури — пыль, и гром, и мрак...
Налетели ветры — ломятся березы...
Роща поредела... Наседает враг...

Горсть осталась белых, рубятся упорно,
Окружает белых вал из мертвых тел.
Ариан хотел бы кончить все проворно.
Царь не ведал ране столь бесславных дел!

«Кучка безрассудных столько порубила,
Долго длится битва, будто от зари?!
Трое их осталось!» Силу ломит сила,
Вот упали разом! Разом пали три...

Ходит царь могучий, ходит меж телами
И понять не может, что случилось тут...
Воронье, слетаясь, шелестит крылами:
«Эти не сдаются, эти не бегут!»...

Звезды над Дунаем в темноте мерцали,
Месяц серебрился в глубине небес,
По волнам Дуная огоньки бежали, —
Словно души мертвых уходили в лес...

А в шатре злаченом обсуждал с друзьями
Ариан, волнуясь, как славян пленить.
И решил под утро, с первыми лучами,
Царь поход великий вовсе отменить.

А на месте битвы войску повелели
Над телами мертвых набросать курган...
Вырос он горою, и растут там ели,
По утрам порою спит на нем туман...

Опускайся, сокол, сокол ясноокий,
Враг ушел далеко, весть с собой неся,
Что славяне крепки, что Дунай глубокий,
Что они жестоки, — покорить нельзя!

Опускайся сокол, сокол серокрылый,
Прадедов могилы — под курганом спят.
Кровь у нас вскипает, прожигает жилы,
Если вражьи силы нас пленить хотят!»

Затихли гусли, смолкло пенье,
Но долго хвалят все певцов,
И дедов храбрость и уменье,
И смелые дела отцов...

Ходили чаши круговые,
Взлетали искры над костром,
И долго крики удалые
Неслись над бархатным Днепром...

6. «РАЗДУМЬЯ»

Окончился пир, и пошли по домам —
По рекам, по тропам, лесами...
Рассказы несутся по всем сторонам
О князе, о пире с гостями...

И сколько во Киеве княжьих палат,
И храмы какие, и башни,
Как Киев могуч, как красив и богат —
Сады, огороды и пашни...

Над Киевом ночь, но Владимир не спит,
По гриднице ходит высокой,
А мысль по лесам, по долинам кружит,
Как шмель поутру над осокой.

Окончился пир, но заботы пришли,
Для них, видно, время настало,
Их чаши и песни затмить не могли,
Хоть радостей было немало.

А первая радость: весенний цветок,
Любимая дочка Предслава!
Смеялась, журчала, как горный поток,
По-детски немного лукава.

Улыбка и косы — совсем точно мать,
Совсем, как когда-то Рогнеда...
А стройностью елям высоким под стать,
Осанка сурового деда.

Предслава подарок ему привезла:
Кувшин монастырского меду,
И вспомнилась разом былая весна...
Он севера вспомнил природу...

Припомнился леший, Перун и упырь...
Журчала тихонько Предслава
О том, как у леса живет монастырь,
О строгом порядке устава...

О том, как недавно она там была,
Стояла у ранней обедни,
За общей трапезой потом у стола
Монашкам внимала намедни...

Что мать Анастасья хворает давно,
Смиренный поклон посылает...
И слушал Владимир, уставясь в окно,
Как тихо Предслава рыдает...

Предслава — что ангел. Предслава с душой,
Не то, что сварливые братья!
Их злобные взоры заметит слепой, —
Кинжалы блестят из-под платья.

Не я ль поучал их заветам любви
И правде Христова ученья?!
Но видно, что зависть и гордость — в крови,
А в души нисходят затменья!

Как кони, что вырвались вон из села,
Несемся бездумно под гору;
А где ж богатырь, чтоб схватить удила
И дать этой силе опору?!

Без Божьих заветов державе не жить —
Без мудрых Христовых законов!
Иль будем друг друга по-Божьи любить,
Иль солнце померкнет от стонов!

7. «СОН КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА»

Владимир в раздумье присел у стены.
Глаза незаметно сомкнулись,
И чудится — снова собрались сыны
И тихо над спящим нагнулись.

Но странно — не лица, а морды зверей,
Как будто не люди стояли:
Теленок сопел из росистых ноздрей,
И уши над зайцем дрожали...

А тут, будто к жертве старинной готов,
Стоит белоснежный козленок...
А там, меж звериных и птичьих голов,
Смиренный молочный ягненок...

И бык наклонился и начал пыхтеть,
Оскалился волк окаянный,
А вот в стороне хромоногий медведь
И конь длинноухий и странный...

И вдруг раз'ярился озлобленный волк,
Завыл и соседей кусает,
А кровь на полу превращается в шёлк
И лентой багряной взлетает...

Но видно сквозь дым, как вступился медведь,
Как падают бедные звери,
Кто воет, кто скачет, кто начал реветь,
А волк удирает за двери.

Казалось, что тишь наступила опять,
Но вот за стеной зашумели,
И терем долбит черноклювая рать:
То коршуны вдруг налетели.

Но терем стоит, и горят в нем огни,
И много зверей за столами,
Но звери не дружны: бодают одни,
Другие грозятся зубами...

А даль потемнела. Как будто буран
Несется на терем из степи.
Откуда взялись?! Через дальний курган
Крысиные движутся цепи!

И крысы — не крысы, — скорей кабаны;
Верблюды с крысиною пастью!
Их тучи! Глаза — как глаза сатаны,
Безумною светятся страстью!

И прямо на терем, на крышу, в окно...
Уж терем трещит... покачнулся...
Он ломится! Рушится! Так суждено! —
И с криком Владимир проснулся.

8. «МОЛИТВА КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА»

Владимир вскочил, озираясь окрест,
Тревожно направился в сени,
В светлицу вошел, где иконы и крест,
И стал перед ним на колени:

«Господь всемогущий, не брось, не оставь,
Прости своих чад неразумных,
В минуты сомнений, Владыко, наставь,
Избавь от желаний безумных.

Сойди в нас и праведно жить помоги,
Дай сил от греха удержаться,
С Тобою, Господь, нам не страшны враги,
Сподоби с Тобой оставаться.

Сподоби понять нам величье Твое
И мудрость Твоих назиданий.
Всели справедливость в сознанье мое,
Избавь от лукавых желаний.

От злобы нам душу очисть, сохрани,
Спаси от безволья немого,
Терпенья пошли нам на многие дни,
Избавь от бездушья пустого.

Даруй нам, Владыко, святую любовь,
От жадности сердце очисти;
Чтоб братья не начали которы вновь*)
Избавь от стремлений к корысти.

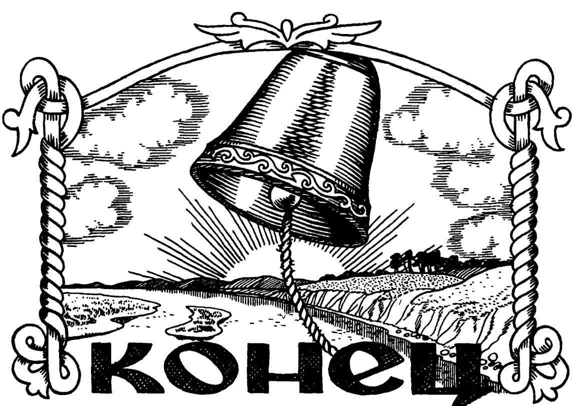
Владыко, мы слабы, упасть нам не дай,
Храни нашу Русь от страданий,
Храни от несчастий родимый наш край,
Тяжелых не шли испытаний!

А если пошлешь, — пусть восстанет опять,
В красе пусть восстанет и в славе!
Учи нас, о Боже, за правду стоять!
От злого неверья избави.»

Владимир, склонившись, промолвил: «Аминь!
И Русь да останется цела!»
Снаружи ночная, бездонная синь,
От сна пробуждаясь, светлела...

Вот тени исчезли, поблек небосклон,
Вот колокол вдруг за садами
Ударил. Другой отозвался, и звон
Потек над Днепром и лугами...

Навстречу с Оки, а потом от Двины
Поплыли простором трезвоны...
И Русь просыпалась, вставали сыны,
Крестились и клали поклоны.

*) Которами назывались распри и междоусобицы.

ОГЛАВЛЕНИЕ

стр.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ — «В БОРЬБЕ»

ЧАСТЬ ПЯТАЯ — «В ПОИСКАХ ПРАВДЫ»

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ — «КРЕЩЕНИЕ»

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ — «ПИР У КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА»

БЛАГОДАРНОСТЬ АВТОРА

Автор приносит самую искреннюю благодарность редактору газеты «Русская Жизнь» в Сан Франциско г-же А. И. Делианич за профессиональные советы и неоценимую помощь при издании этой книги, а также редактору русского ежемесячного журнала в Лос Анжелосе «Родные Дали» г-же И. И. М— — —ч и поэтессе г-же З. А. Ковалевской за ценную помощь при подготовке текста поэмы к набору.

Автор.

Октябрь 1970 г.
Лос Анжелос.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

-СБОРНИК РАССКАЗОВ "ПО ДОРОГАМ"

В сборнике 15 повестей и рассказов, три из них с юмористическим содержанием.
1973 г. Лос Анжелес. 215 страниц.

-СБОРНИК СТИХОВ "ГРОЗДИ"

В сборнике стихотворения на разные темы, короткие поэмы и сатира.
1977 г. Лос Анжелес. 160 страниц.

Книги получили прекрасные отзывы русской зарубежной прессы. Книги можно выписать по адресу:

MR IGOR A AMTAMONOM
234 S KINGSLEY DR
LOS ANGELES CA 90004

-Готовится к печати вторая историческая поэма:

"ВЛАДИМИР МОНОМАХ И ГИТА ГАРОЛЬДОВНА"

Поэма по времени и по смыслу является продолжением "РОГНЕДЫ" и охватывает годы от 1015 - года смерти Кн.Владимира Святого до 1125 - года смерти Кн.Владимира Мономаха. В книге 240 страниц и множество рисунков.